

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Н. Матвеев

Как стая волков, кинулись сторожевые корабли и катера противника на североморцев. Пять из них, сменив курс, пошли параллельно советскому катеру

ТКА-12 и кинжальным огнем почти в упор стали расстреливать его. Подымая водяные столбы, снаряды ложились рядом с катером. Стреляло все, что могло стрелять. Но катер упрямо рвался вперед. Вдруг сильный удар подбросил катер, как будто кто-то сжал его в огромных ладонях. Раздался сильный треск и снова глухой удар. Разрыв снаряда разворотил боевую рубку и, начисто вырвав левую дверку [вместо нее зияла огромная дыра], осыпал весь катер осколками.

ЗАРНИЦЫ В ФИОРДАХ

МУЖЕСТВО

Н. МАТВЕЕВ

**ЗАРНИЦЫ
В
ФИОРДАХ**

(ГЕРОИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1970

9(c)27
M33

ГЛАВА I

...Уже почти три месяца идет война. Она круто повернула судьбы миллионов людей, перевела всю жизнь с мирных рельсов на военные дороги, и никому не известно, что ожидает за следующим поворотом и где конец этого тяжелого и героического пути.

Каждый день, как только сумерки смажут линию горизонта, сомкнув небо и воду, выходят в море наши катера. Крохотные и беззащитные на первый взгляд, они бесшумно крадутся вдоль берега, зорко всматриваются в водную гладь, но ничего не видно, все тихо.

Только изредка откуда-то из-за клочьев тумана вдруг доносятся какие-то неясные звуки, но сколько ни вслушивайся, не определишь, откуда они и что они значат.

Посвистывает ветер, на лицах оседают брызги, монотонно стучат о борт волны — катернику до них рукой подать, иное дело для команды на больших судах.

Двадцать один час. Посту, расположенному на полуострове Средний, коротко докладывают:

— В районе Яр-фиорда дымки.

Два торпедных катера выходят из базы на боевое задание: ТКА-11 и ТКА-13. Командуют катерами молодые командиры: на ТКА-11 Георгий Светлов, а на ТКА-13 Александр Шабалин. Всего девять часов вечера, но уже совсем темно, море и небо почти сливаются в ночной мгле, круто приправленной северным густым туманом. Но вот ветер начинает разгонять туман, и это тревожит командиров. Нелегко выйти незамеченными к побережью: за кормой катеров далеко тянется белая дорожка вспененной воды и словно светится в темноте.

На первом катере идет Светлов, катер Шабалина держится в кильватере. Сегодня первый раз они идут на встречу с врагом, до сих пор им ни разу не удавалось обнаружить корабли противника.

Шабалин стоит, положив руки в больших рукавицах на штурвал. Стоит так уверенно, так спокойно, что кажется, нет такой силы, которая могла бы оторвать его от палубы. Он слит со своим катером в одно целое, каждой клеточкой тела ощущая и ритм работы двигателей, и легкую вибрацию корпуса, и сердитые толчки волн о борт. Одетый в непромокаемый плащ и высокие резиновые сапоги, он только шурится, когда ему в лицо летит колючая водяная пыль, и на губах оседает твердая соленая пленка. Вкус морской воды привычен Александру, он давно породнился с морем, с самого детства, и знает его как горожанин знает улицу, на которой прожил всю жизнь.

Александру даже не верится, что это не очередное учебное плаванье, так все обычно и обыденно. Но впечатление обыденности обманчиво. Они выполняют боевое задание, и нервы у всех напряжены так, что стоит Шабалину на секунду дольше задержать на ком-нибудь свой взгляд, как тот замирает, чтобы не пропустить ни

одного, даже едва заметного, жеста командира. Все готово к встрече с врагом. А встретят они его сегодня паверняка. И дело не только в замеченных дымках конвоя. Шабалин был уверен, что сегодня они не вернуться с пустыми руками. Называйте это предчувствием, инстинктом — как угодно. Александр, подобно охотнику, угадывающему приближение зверя, чувствовал близость врага и напряженно торопил время — быстрее бы!

Как две прочерченные мелом полосы, тянутся за катером Светлова четкие белые линии. Теперь перестук мотора слышен отчетливо.

«Нет, так нас, пожалуй, противник обнаружит раньше времени, а это вроде бы ни к чему, — думает Шабалин, — надо принимать срочные меры».

— Стоп! — командует он.

Светлов следует его примеру, и катера ложатся в дрейф. Теперь никакой шум не может привлечь внимания врага и раньше срока позволить ему обнаружить катера. А увидеть их довольно трудно: катера прижались к берегу, слились с крутыми скалами. На темном ночном небе еле различимы сопки. Море у берега кажется черным, и эта чернота бесследно поглощает две крохотные точки. В таком положении катера, возможно, будут выжидать несколько часов.

Тем временем на востоке над морем начинает угадываться скорая заря, и на фоне медленно светлеющего неба, как на экране, четким силуэтом рисуется любой, даже самый небольшой, предмет.

Пока все тихо. Судя по всему, фашисты не заметили катеров. Их береговые батареи благодушно молчат.

Значит, можно затаиться и ждать... А ждать есть кого. По донесению нашей воздушной разведки, сегод-

ня, 11 сентября 1941 года, в районе мыса Кибергнес обнаружен конвой из пяти кораблей. Конвой направляется в порт Петсамо, чтобы доставить продовольствие и подбросить подкрепление фашистским войскам. Задание предельно четко и лаконично: встретить конвой врага и уничтожить его. Шабалин прекрасно понимает состояние своих товарищей — он и сам полон нетерпения, хотя и не показывает вида. Он спокоен, несмотря на то, что это его первый бой, первая встреча с ненавистным врагом. Кажется, на этот раз уже ничто не может помешать этому свиданию, к которому они так стремились и которое никак не могло состояться. Уже не один раз наши катера выходили в море, поджидали корабли противника, и все напрасно. Очень обидно было возвращаться домой на базу, не выпустив ни одной торпеды. И так продолжалось почти две недели подряд.

После того как береговая батарея полуострова Рыбачий обстреляла немецкий конвой и он едва ушел, потеряв баржу с ценным грузом, фашисты вообще перестали появляться.

Вот и сегодня днем, когда воздушная разведка сообщила о вышедшем конвое и командиров катеров вызвали в штаб, чтобы дать им задание, неожиданно поступило новое сообщение: конвой лег на обратный курс.

Тихо стало в темной прокуренной комнате. Неужели опять отменяется выход в море? Неужели опять придется ждать?

— Надо выходить, — вдруг раздался чей-то негромкий голос.

Все обернулись к говорившему.

— Ясно, что фрицы боятся попасть под обстрел на-

шей батареи в Рыбачьем, — продолжал Шабалин. Сейчас они будут дожидаться темноты, а потом пойдут полным ходом на восток. За ночь надеются незаметно проскочить. У меня есть конкретное предложение: выйти заранее навстречу и подождать их вот здесь.

Все взгляды остановились на том месте карты, которое очертил Шабалин, на тоненькой карандашной линии, идущей вдоль норвежского берега.

— Что ж, пожалуй, верно, — подвел итог начальник штаба. — Здесь немцы искать не будут. Они ждут атаки с моря.

И вот план Шабалина принят, и теперь катера затаились в черной береговой тени у залива Перовуона. Тихо. Даже море спокойно, и кажется, что оно тоже притаилось и ждет.

Шабалин время от времени поглядывает на часы.

В голове бьется неотвязная мысль: «Неужели не придут, неужели ждем напрасно?»

Рассветает. Шабалин вглядывается в горизонт до рези в глазах и вдруг различает едва заметные, словно игрушечные, дымы. Наконец-то! Один, два! Идут!

Впереди миноносец, за ним в кильватере транспорт, мористее — три сторожевика. Идут спокойно, нахально, уверенно. Ведь скоро предстоит отдых после опасного задания. Можно представить себе настроение моряков вражеского конвоя: опасный путь уже практически позади, теперь можно и перевести дух, расслабиться. Да, теперь все в порядке, с моря русские не сунутся — с берега прикрывают свои батареи. А от берега тем более — он немецкий. Теперь, считай, конец пути.

На катерах все замерло. Как и всегда при напря-

женном ожидании, время тянется нестерпимо медленно, словно застывшая сметана, и так и хочется подтолкнуть его.

Наконец-то пора! Катера легли на боевой курс и пошли навстречу врагу.

Первым идет торпедный катер капитан-лейтенанта Светлова.

Катера идут на малом ходу, спокойно. Это важнейшая часть плана — идти так, чтобы у немцев даже не возникло подозрения. Молчат вражеские батареи. Так и есть, фашисты на берегу принимают их за своих. Еще бы! Сюда советским кораблям хода нет, подходы с моря под наблюдением, здесь каждый квадрат пристрелян батареями. Чтобы подойти так близко и удобно расположиться под самым носом береговой охраны, надо быть как минимум кораблем-невидимкой. А невидимок, как известно, не бывает. Вернее, бывают они, но только в старых сказках, а не здесь, у суровых норвежских берегов.

Спокойны и на кораблях противника: решили, по видимому, что им увеличивают конвой. Сейчас катера подойдут поближе и все разъяснится. А может быть, сигнальщики на конвое не видят катеров, ведь здесь конвой чувствует себя в полной безопасности, и наблюдение может быть ослаблено.

Но вот противник засомневался. Сигнал. Второй. Запрашивают на опознание.

«Сейчас мы тебе ответим, — злорадно думает Александр. — Ну, давай, Жора, начинай!» — мысленно торопит он Светлова.

ТКА-11 уже в двух кабельтовых от миноносца.

— Залп! — командует Светлов.

Две торпеды стремительно понеслись к вражескому

миноносцу. Растерявшиеся гитлеровцы никак не отвечают.

— Молодец, Жора! Теперь мы еще от себя добавим, — одобряет Шабалин. — Полный вперед, — раздается его команда. И катер, словно пришпоренный, стремительно несется к транспорту. В эту же секунду Александр увидел, как над катером Светлова в небо взметнулась белая ракета.

Что это может означать? Какие непредвиденные обстоятельства заставили Светлова дать этот сигнал? Ведь обо всем договорились заранее, еще на берегу, и такого сигнала не предусматривали... А вдруг ему нужна срочная помощь? Можно предполагать все, что угодно, но надо быстро действовать, тем более что противник спохватился и открыл огонь.

Вдруг Шабалин видит, как катер Светлова ложится на обратный курс. Вслед ему тянутся разноцветные пунктиры пулеметных очередей.

«Разберемся потом», — думает Шабалин. Сейчас все его мысли заняты одним: перед ним намеченная цель — самая середина корабля, там, где находится его сердце — судовые котлы.

— Залп! — хриплым от волнения голосом командовал Шабалин.

Он физически ощущает, как скользят в аппаратах торпеды, как тяжело плюхаются в воду, как устремляются в сторону транспорта.

Нос освободившегося от груза катера заметно поднялся вверх. Теперь можно развернуться за ТКА-11.

Шабалин ни на секунду не отвлекается от управления катером, но какая-то часть его сознания словно следует вместе с торпедами. Он отсчитывает секунды и ждет. Напряжение становится почти невыносимым.

Пожалуй, только сейчас Александр осознал, что перед ним не «движущаяся цель», как принято говорить на учениях, а реальный противник, который делает все, чтобы отправить его, Александра Шабалина, и его катер на дно. Глухо и злобно лают скорострельные орудия, плетут над водою смертельную разноцветную паутину трассирующие пули крупнокалиберных пулеметов. А катер почти беззащитен перед этой лавиной огня — его тонкий деревянный корпус не защита, а два пулемета тоже детские игрушки по сравнению с мощными орудиями врага. Катер Светлова уже скрылся в тумане. Белый пенистый след показывает, что он ушел в сторону базы.

«Знать, у Жоры все в порядке, — подумал Шабалин. — Можно уходить самим».

Оглушительный взрыв ударил по барабанным перепонкам командира. Там, где только что был миноносец, неправдоподобно медленно подымался огненный столб, окутанный паром. И из этого смешения воды, огня и пара выступал вставший на дыбы, как норовистый конь, огромный корпус корабля.

Миноносец противника погружался в воду. Орудия транспорта стреляли не переставая, и вдруг откуда-то из темноты к крошечному катеру протянулись новые огненные цепочки, сделавшие пулеметную паутину в несколько раз плотней.

Второй взрыв.

Транспорт, задрав высоко в небо корму, быстро шел на дно. Забыв на мгновение о грозящей им опасности, Шабалин и его товарищи смотрели на зрелище, в котором с июня сорок первого года и заключался смысл их жизни — жизни военных моряков-катерни-

ков. Но как ни были их сердца полны радостью первой победы, предаваться ей на войне нет времени.

ТКА-13 ловко увертывался от огня преследующих его сторожевиков, лавируя из стороны в сторону.

Шабалин прекрасно понимал, что сейчас его основное оружие скорость, иначе не уцелеешь: два пулемета катера ничто по сравнению с вооружением сторожевиков.

Моторы ревели, словно чувствовали, что все теперь зависит от них, катер дрожал, палуба была белой от пены. Мокрый с головы до ног Александр наблюдал за своими преследователями.

«Пожалуй, уйдем, — деловито рассуждал он. — Главное, что дистанция между нами и сторожевиками не уменьшается».

Вдруг почти рядом с катером мощный взрыв разорвал воздух. На мгновение сжалось сердце и, казалось, перестало биться. «Неужели все?» — метнулась в голове мысль, но Александр тут же взял себя в руки и взглянул на тахометр: стрелка ужасающе быстро ползла вниз. Двигатель почему-то терял обороты, и катер явно замедлял ход.

— В машинном! Что случилось? — крикнул Шабалин.

Через минуту старшина группы мотористов сообщил, что вышел из строя один из трех двигателей. Оказалось, что один из многочисленных осколков все же пробил борт катера и попал в масляный бачок. Масло перестало поступать, мотор несколько раз конвульсивно вздрогнул и заглох.

— Все живы?

— Все.

Хорошо, что никто не пострадал, но положение ста-

новились отчаянным: на двух моторах от фашистов не уйдешь. Вместо тридцати катер делал всего семнадцать узлов.

Расстояние между ТКА-13 и ближайшим сторожевиком сокращалось. Осталось всего несколько кабельтовых. Два пулемета против восьми немецких, не говоря уже о его скорострельных орудиях!

Что ж, они сделали все, что могли — выполнили свой долг. Но оставались еще считанные секунды, в течение которых еще можно было бороться за жизнь, за катер, за возможность еще не раз увидеть нелепо вздымающуюся вверх корму или нос идущего ко дну вражеского судна.

«Будем держаться до последнего, — решил Шабалин. — В последний момент взорвем катер».

Враг усилил огонь. Сторожевики подошли так близко, что в бинокль хорошо было видно, как на палубе суетятся люди в немецкой форме.

Как только заглох мотор, моторист Михаил Луконин понял, что сейчас все зависит от его ловкости и умения. Он очистил сетки поддува от масла и подключил запасный бак. На все это у него ушло шестьдесят секунд.

В такие решающие моменты все чувства настолько обостряются и нервы настолько напряжены, что человек начинает работать, как машина. Вернее, не как машина, а много лучше ее. Ведь машина может сделать только то, на что она рассчитана, а человек в иные минуты делает то, что, казалось бы, превосходит его силы и вообще человеческие возможности. В такие мгновения он движется с иной, не свойственной ему обычно скоростью, приобретает невероятную силу и ловкость. Наверное, в другое время на исправление по-

добного повреждения потребовалось бы не меньше часа.

Прошло уже десять бесконечных минут, все так же катер увертывался от сторожевиков противника, и все так же враг продолжал расстреливать отважный катер. Теперь Александр каким-то шестым чувством ощущал, что вот-вот катер обретет свою обычную мощь, и бесконечно досадно, нелепо, страшно, наконец, было бы получить сейчас, в эти решающие мгновения, роковое попадание вражеского снаряда.

Вдруг стрелка тахометра подскочила, как подстегнутая. Третий мотор заработал на полную мощность.

Катер летел, разбивая волну, выжимая все возможное — тридцать восемь узлов. Скорость всегда захватывает, возбуждает человека. Скорость на воде впечатляет особенно. Скорость на таком небольшом суденышке, как торпедный катер, воспринимаешь физически. Ты чувствуешь ее всем телом. А когда скорость не просто скорость, а спасение и победа, когда эта скорость вырывает тебя из огненной вражеской западни, тогда она наполняет тебя такой радостью, такой благодарностью к родному катеру, что только суровый морской этикет не дает возможности кричать «ура».

Сторожевики стали быстро отставать, и умелым маневром Шабалин оторвался от врага.

«Они, надо думать, будут искать нас в море, — определил Шабалин, — попробуем обдурить их».

Закутавшись в непроницаемую густую пелену от выставленных дымовых шашек, катер ТКА-13 проскочил между вражескими кораблями и круто повернул к берегу, под самые скалы.

Ничего, что там расположились батареи противника, для них это мертвая зона, а уж искать его здесь навер-

няка вражеские сторожевики не будут. Сбавив ход и не оставляя за собой предательских белых следов, катер незаметно вошел в темную воду под скалами. Через некоторое время, когда все утихло, катер Шабалина вдоль берега пошел по направлению к базе...

На базе уже не ждали отважных катерников — слишком мало было шансов уйти от сторожевых судов и от огня береговой батареи. И тем более радостно встретили товарищи смельчаков, вырвавшихся из лап смерти, когда катер медленно, словно устав в бою, подошел к причалу. Теперь, когда уже все было позади, Шабалин вместе с радостью и удовлетворением почувствовал огромную усталость. Она наваливалась на него, делала тяжелыми веки, и он несколько раз встряхнул головой, чтобы отогнать ее.

— Ну ладно, ребята, — смущенно отмахивался от друзей Шабалин, — вернулись ведь, что ж теперь говорить... А у тебя я хочу спросить, — повернулся он к Светлову. — Что это за салют ты устроил после атаки?

Оказалось, что на катере Светлова был молодой боцман из учебного отряда. По установившейся на мирных учениях привычке он зарядил ракетницу и дал ракету, когда были выпущены торпеды.

— Никак не отделаемся от мирных привычек, — кипятился Светлов, — но можешь не сомневаться, что сделал он это в последний раз.

— Потоплен транспорт водоизмещением около семи тысяч тонн, — доложил Шабалин начальнику штаба. — Весь личный состав катера невредим.

— Ну, молодцы, — улыбнулся начальник. — Поздравляю с открытием личного счета и желаю, чтобы

он у вас рос и рос, давая проценты на проценты. За отважные действия от имени командования выражаю благодарность.

Вечером товарищи постарались устроить в честь смелых моряков отличный ужин. Такие ужины для отличившихся экипажей становились уже доброй традицией. Они проходили весело и оживленно. Для моряков они были как бы разрядкой после нечеловеческого напряжения боя. За столом волей-неволей вспоминали бой в мельчайших деталях, воссоздавали его, обменивались впечатлениями. Это был своего рода неофициальный разбор, полезный для всех, кто собирался за столом.

Вот после этого боя, самого первого боя Шабалина, за ним утвердилась репутация «самого хитрого катерника».

С его легкой руки стали применять новый прием — нападать на врага не с моря, а неожиданно наносить тяжелые удары со стороны вражеского берега.

ГЛАВА II

...Много раз допытывались корреспонденты у Александра Шабалина, что именно помогло ему стать героем. И столько же раз, сколько его спрашивали, он беспомощно пожимал плечами: как ответить? Во-первых, он вовсе не герой, а во-вторых, что делает человека таким, каков он есть? Да все, вся жизнь. С самого раннего детства, с самых первых впечатлений начинается таинственный процесс формирования человека, и дважды Герой Советского Союза Александр Осипович Шабалин не является исключением. И чтобы по-

нять его натуру, его поразительную скромность и простоту, нужно вернуться к истокам его биографии.

Если проехать двадцать верст от Белого моря или пятьдесят от уездного города Онеги, то можно попасть в деревню Юдмозеро. Как и большинство северных деревушек, затерялась она в глуши лесов и болот. Пожалуй, единственное ее отличие от других состоит в том, что возле нее находятся три озера, соединенные между собой рекой Юдмой, откуда и пошло название этой деревни.

Юдмозеро. Невелика деревушка, всего в ней сорок дворов, и, пожалуй, для многих «двор» — слишком пышное слово. Теперь, когда эти районы стали излюбленным местом паломничества туристов, когда самолеты, «метеоры» и «ракеты» на подводных крыльях вмиг доставят вас до самых глухих мест, трудно представить себе заброшенность северных деревушек в те времена. И все-таки попытайтесь представить себе: дороги большую часть года были труднопроходимыми, и зачастую деревушки оказывались вовсе отрезанными от мира, да что от мира — друг от друга.

Бедно живут в деревне, перебиваются кое-как. Основная еда — картошка, репа, редька. А вот рыбы много. Ведь кругом озера, и рыбы в них полным-полно, так и клюет, только закинь удочку, схватит крючок даже без наживы.

На скудных полях, что раскинулись вокруг деревни, сеяли ячмень, коноплю, рожь, сажали картофель. Больше никаких овощей не было и в помине. морковь и капуста считались редким лакомством. Это и не удивительно. Земля была тяжелой, родила мало, места эти не избалованы теплом. Все трудились не покладая рук; особенно много работы у крестьян было летом. Соби-

рали грибы, ягоды — готовили их на зиму. Этим занимались женщины и дети. Мужчин летом в деревне не встретишь — они уходили на заработки на лесопильный завод или в сплавщики. Умелого и опытного сплавщика брали на работу охотно. Осип Шабалин не только сплавлял лес по капризным северным рекам. Осип Захарович не отказывался ни от какой работы: было не до выбора: семья большая, четверо детей, всех накормить надо. Саша видел отца не часто, только зимой, да и тогда тот не сидел дома без дела. Дом большой, забот полно. Жили не отделяясь: дед Захар Сергеевич и его три сына, все с семьями. Только когда Саше было четырнадцать лет, построил Осип Шабалин себе дом и перебрался туда с семьей. Но еще долго продолжали звать семью Осипа «Захаровы» по имени деда, так уж почему-то повелось в Юдмозере.

Шабалины жили бедно, но в их доме было уютно: выскобленные добела полы и стены, сияющая чистотой посуда и самая необходимая нехитрая мебель. Саша любил свой дом: когда семья дружная — в доме всегда хорошо. Главная в доме — мать. Невелика ростом Марина Шабалина, но до чего же она живая и ловкая, поистине мал золотник, да дорог. Далеко слышен ее звонкий голос: то она строго прикрикивает на непоседливого Саньку, то напевает песенку, баюкая младшего сынишку Петю. Петь Марина Сергеевна очень любила, особенно старинные песни. Сколько она их знала, не сосчитать: и веселых, от которых ноги сами начинают ходить ходуном, и таких печальных, что невольно сжимается сердце и на глазах ребят навертываются слезы. А какие сказки рассказывала она ребятам перед тем как уложить их спать! Правда, редко это бывало,

далеко за вечер, а у матери все работа. Отец на заработках, а на матери весь дом.

И тем больше ребята любили и ценили редкие материны сказки, в которых привычный им мир северной природы оборачивался своей волшебной стороной. Из знакомых озер подымались страшные чудовища. С ними бились богатыри, чем-то похожие на их отца, чтобы освободить людей от страха. У ребятишек останавливалось дыхание, они смотрели на мать широко раскрытыми глазами, и, как только она замолкала, они хором просили «еще».

— Спать пора, неслухи, — нарочито сердилась Марина Сергеевна. — Завтра не растолкать вас.

— Сами встанем, ей-ей сами встанем, — молили ребята, — ну хотя бы еще одну.

— Ладно, — сдавалась мать, — так и быть, слушайте да на ус мотайте.

Ребята тоже росли не бездельниками, у каждого есть свои обязанности. Например, семилетний Саша должен заготовить корм для скота, а это не такое уж легкое и приятное занятие. С утра идет он с товарищами за ветками, нарезает их, а потом по каждой ветке надо провести руками, чтобы стряхнуть листья в корзину. Ветки корявые, с сучками, занозы так и впиваются в ладони: весь обдерешься, пока наберешь корзину. А когда мальчик стал чуть постарше, он вместе с другими начал ходить на сенокос. В четыре часа утра мать поднимала его с постели. Рано узнал Саша Шабалин, что такое работа, и не отлынивал от нее. И никому не надо было уговаривать мальчика, чтобы он честно выполнял свои обязанности. Потому что сизмальства усвоил: летом не заготовишь — зимой наголодаешься.

Только в воскресенье, а иногда вечером удавалось вырвать время поиграть в мяч, и тем слаще были эти редкие игры. Особенно любили ребята «Опрошкину игру» — что-то вроде лапты, да еще «Гонять попа» — попадать палкой в чурку.

Это были не просто игры, это было нечто большее, чем просто игра. Зная, как не часто выдавались эти свободные часы, мальчишки относились к играм с особой серьезностью. Так и видишь: лица у них сосредоточенные и даже нахмурены, дело-то ведь не простое — игра! Понимать надо! Да и вообще у северян характер сдержанный, даже у малолетних.

Когда Саше было девять лет, отвезли его за двадцать километров в село Нименьгу, где была школа. Простились с матерью у ворот. Расставаясь первый раз в жизни с матерью, он не плакал. Губы, правда, дрожали, и в горле стоял комок — того гляди и перехватит дыхание, — но плакать нельзя, считай, не маленький уже. Мать ласково прижала его на минуту к груди, украдкой шмыгнула носом, но тут же мягко оттолкнула:

— Поезжай, сынок, пора.

Трудно было мальчугану, приходилось жить у чужих людей, да и заниматься нужно было ходить за два километра. Так и шло ученье через пень-колоду, а потом вернулся Саша в родную деревню, когда организовалась там школа, и окончил четыре класса.

Трудно приходилось семье Шабалиных в деревне, и решил Осип Захарович переехать в город Онегу. Сначала отправился сам, устроился на заводе, чтобы как следует подзаработать, а потом перевез и всю семью.

Маленькая Онега показалась им после Юдмозера

огромной, шумной, страшноватой. Того и гляди поте-
ряешься, попадешь под колеса, толкнет кто-нибудь.
Да и дома высоченные, подумать только: в два этажа!
Это как же люди живут на такой страшной высоте
и не боятся? Но потихоньку осмотрелись, попривыкли
к городу, и жизнь пошла своим чередом. Не забыла
Марина в городе и свои любимые песни, нашлось и
для них время: стала непременной участницей само-
деятельного хора старинных песен. Как-то Марина Сер-
геевна надумала разбирать свой заветный кованный
сундук, где хранились старинные, перешедшие еще от
бабушки наряды. Ребята и муж пристроились рядом.
Она осторожно подняла крышку, скрипнули петли.
Платья, сарафаны, головные уборы — все было ярким,
необычным.

— Мам, а мам... — сказал вдруг Саша.

— Что, сынок?

— А ты надень их, а? Как в театре, надень.

Марина Сергеевна посмотрела на мужа. Тот улыб-
нулся и кивнул. Она осторожно — все-таки память,
вещи старинные — надела то, что лежало сверху, и
плавно повернулась. Все охнули от восторга.

— Ты у меня прямо настоящая королева, — восхи-
щался отец.

Мать, радостно краснея, смущенно улыбалась...

Иногда к Шабалиным приезжали гости из Юдмозе-
ра. Деревня постепенно пустела: все больше и больше
уезжало из нее семей, кто в Онегу, кто в деревню
Нименьгу. Приход гостей всегда целое событие, но ко-
гда появлялся брат Марины Сергеевны — был настоя-
щий праздник. Федор Валявкин (так звали Сашиного
дядю) всю свою жизнь был на море, ходил на траль-
щике — он был тралмейстером. Так же, как и сестра,

любил он рассказывать, говорил образно, сочно, знал много интересного. Какие увлекательные истории рассказывал он ребятам!

Федор любил море, хорошо знал и не боялся его.

Коренастый, сильный, с обветренным спокойным лицом, он был для Саши необычайно привлекательным, пришедшим из другой, более интересной и необычной жизни. Все мальчики в детстве стремятся найти себе героя, образец для подражания. И те, кто находит такого, привязываются к нему со всей восторженностью своей детской души. Саша всячески старался подражать дяде и даже ходил враскачку, заложив руки в карманы. При этом он чувствовал себя почти что морским волком. Походка и манеры моряцкие уже есть, оставалась самая малость.

Федор видел, какими глазами смотрит на него племянник, и часто говорил:

— Подрасти немного, Сашка, возьму тебя в море, узнаешь настоящую жизнь. И запомни: море храбрых любит — трусу в море делать нечего.

И вот наконец Сашке минуло шестнадцать. Пора становится самостоятельным. Вместе с товарищами Спиридоном и Анатолием (его двоюродными братьями) отправился он в Мурманск к дяде. Снова, как и тогда, когда он отправлялся жить в Нименьгу, предстояла разлука с семьей. Но теперь уже больше будет скучать мать, чувствует, что у птенца выросли крылья, окрепли, что навсегда улетает он из гнезда. А Саша, хоть и грустно было расставаться с матерью, испытывал нетерпение — ведь впереди было море, была новая жизнь, полная новых, удивительных впечатлений и приключений. И мысли поэтому были у него обращены не назад, к дому, а вперед, к морю.

«Не бойся, сестра, парня к морскому делу построим», — написал Федор Валявкин в Онегу.

И слово сдержал. Сашку по малолетству взяли юнгой на тральщик со странным для северных вод названием «Краб», а двух его товарищей, которые были постарше, — матросами. Старенький провонявший рыбой тральщик стал для Саши Шабалина вторым домом, здесь нужно было учиться жить и работать.

Уже потом, став заправским моряком, он не мог без теплой улыбки вспоминать «Краб». А тогда, первый раз в жизни ступив на борт настоящего корабля, он не мог сдержать волнения и восхищения. Тральщик, небольшой корабль, показался ему огромным и могучим, настоящим пенителем моря, а члены его экипажа — многомудрыми и всемогущими повелителями стихий. Это первое впечатление, впрочем, было верным: на тральщике было много старых опытных матросов.

Они хорошо относились к шустрому парнишке и всячески старались приобщить его к настоящей морской жизни. С присущим настоящим людям тактом они понимали состояние юноши, чувствовали, как ему хочется поскорее войти в морскую семью, стать заправским рыбаком. И учили его матросскому уму-разуму.

С тех пор прошло много лет, и Саша превратился в Александра Осиповича Шабалина, но первое знакомство с морем свежо в его памяти, как будто бы это было вчера.

День, как почти всегда в этих местах, был пасмурный. Дождь был нудный, бесконечный — настоящая северная погода. Все было обычным, будничным, но именно эта будничность и была наполнена особым смыслом в этот день для Саши: сегодня «Краб» уходил в море, и впервые в море уходил на нем юнга

Саша Шабалин. Погода становилась все более свежей. В Кольском заливе штормило, и темные волны с белыми гривами, как табуи взбесившихся коней, рвались к берегу. Саша всегда любил смотреть на штормовое море и подолгу задумчиво следил взглядом за волнами, которые, казалось, жили какой-то своей жизнью. Но одно дело стоять на берегу, чувствовать под ногами твердую землю и совсем другое, когда между тобой и взбунтовавшейся стихией только днище и борт судна. С замирающим сердцем смотрел парнишка на штормовое море. Вскоре оно стало белое как молоко от бурлящей пены. Это было непривычное зрелище: ведь обычно в этих краях море тускло-серое, как жидкий свинец.

Разъяренные волны снова и снова обрушивали шипящие массы воды на борта тральщика, но он лишь покачивался и неуклонно продолжал свой путь. Саша не мог отвести глаз от моря — он вдруг отчетливо понял, что никогда не сможет уйти от него, изменить ему.

О многом мечтают люди в шестнадцать лет. В начале своего жизненного пути человеку кажется, что все возможно, все тебе подвластно, стоит только как следует захотеть. Была заветная мечта и у Саши Шабалина — он хотел стать капитаном дальнего плавания. Наверное, тут сыграли роль и рассказы дяди Феди о далеких морях и океанах, особенно много он всегда говорил о Северном море, и разные морские редкости вроде необыкновенных раковин, что привозил он из своих путешествий, раковины, в которых, если приложить их к уху, слышится несмолкаемый шум волн.

Восемь месяцев прослужил Шабалин юнгой, а потом его перевели в матросы. Не раз и не два получал он потом повышения по службе, но та, первая, ступенька запомнилась ему навсегда. Казалось бы, велика ли раз-

ница между юнгой и матросом — ан нет, велика. Может быть, даже больше, чем между матросом и капитаном. Пока он был юнгой, его учили, его опекали. А тут — полная ответственность за свое дело, тут — смотри в оба и не зевай. Тут, если напортишь, спрос с тебя будет сполна, да и ошибки на море бывают такими, что потом не исправишь.

Постепенно освоил он сложное хозяйство «Краба», сам сжился с новой обстановкой и вошел в семью моряков. Им нравился этот шустрый и смелый парнишка, который никогда не отказывался ни от какой работы. «Краб» надолго уходил в море. Баренцево море богато рыбой: особенно много здесь трески и морского окуня. Когда везло, трюм «Краба» быстро наполнялся, и тогда возвращались в Мурманск. Как правило, двадцать пять дней находился тральщик в море, а пять дней моряки проводили на берегу. Много раз приходилось попадать в шторм, когда волны играли судном, кидая его с гребня на гребень. Ледяной ветер обжигал, а брызги, как колючки, впивались в лицо и руки, слепили глаза.

Саша многому научился за это время, испытал на себе, что такое работа рыбака. Он помогал вытаскивать тяжелый трал из воды, причем при этом несколько раз срывался за борт. Память о тральщике «Краб» осталась у Шабалина на всю жизнь — белый шрам на левой руке: рассек ножом, когда рыбу шкерил.

Наложил ли отпечаток на характер Александра Шабалина этот период его жизни? Еще бы! Труд пахаря моря — рыбака — один из самых трудных в мире. Четыре недели на тральщике либо делают из человека рыбака, либо заставляют его бросить это тяжелое ремесло навсегда. Четыре недели на маленьком тральщи-

ке, четыре недели качки, дождя, снега, когда не успевает просохнуть одежда, четыре недели бесконечного труда. Трал сопротивляется, режет руки. Серебряная река рыбы течет непрерывно мимо тебя. Левой рукой держишь рыбину, в правой — нож. И шкеришь, шкеришь, пока мускулы не отказывают повиноваться. И даже тогда продолжаешь работать. Работать без позы, без бахвальства, потому что все работают так же, как и ты, и никто не вздумает пожаловаться на судьбу — сам ее выбрал!

В минуты отдыха любил юнга слушать рассказы бывалых моряков, а их на тральщике было четверо — «морских волков», не раз ходивших в заграничные рейсы. От них, по мнению юнги, так и веяло романтикой. «Еще бы, — думал Саша, — они видели мир, побывали во многих портах, это настоящие моряки». От их рассказов у парнишки кружилась голова, и Саша с горящими глазами слушал о далеком Сан-Франциско, о жарком Сингапуре, о беспощадных льдах Арктики, что поглотила столько жизней. «Морские волки» видели, как жадно, слушает их юнга, и обещали показать ему для начала, как проводят время на берегу настоящие «морские волки», когда они заходят в порт. — «Сойдем на берег и увидишь!» — говорили они.

Саша с нетерпением считал оставшиеся до возвращения дни. Скорей бы! А время тянулось как назло медленно.

Наконец настал долгожданный отдых. И вот Саша вместе с товарищами шагает по деревянным мостовым Архангельска.

Первый портовый ресторан: «морские волки» усаживаются за столик. Саша с любопытством оглядывается по сторонам — здесь много моряков, в зале стоит гул

голосов. Хотя говорят на разных языках, но все хорошо понимают друг друга, пьют, шутят, чокаются стаканами и кружками. На столе перед Сашей стоит кружка, полная какой-то жидкости. Он смело поднимает ее и выпивает залпом. А потом чувствует, как у него перехватило дыхание, — еще бы, выпить одним духом кружку спотыкача.

Что было дальше, Саша не помнил, и как он добрался до «Краба», он тоже не знал.

На другое утро товарищи подшучивали над ним и поздравляли с приобщением к «настоящей жизни». Саша смущенно улыбался, но про себя решил, что такого «приобщения» больше не будет. Решил и слово сдержал твердо.

Эта нехитрая, но вместе с тем бесконечно трудно претворимая формула: «решил и слово сдержал» — основа характера Шабалина. Сколько раз впоследствии следовал он ей и никогда не давал себе поблажки: решил — держись! Много раз товарищи и тогда и позже пытались уговорить его: «Ну, будь человеком, будь мужчиной, напейся по-настоящему хоть разок». Была тут и традиция, а может, даже и зависть, но Александр только улыбался и качал головой. Он помнил, как очнулся он тогда на «Крабе» с тягостным ощущением какого-то мучительного провала в памяти. Рюмочку-другую с друзьями — это одно дело. А напиватся — уж увольте.

Почти два года провел Александр на промыслах. Трудно было узнать в крепком матросе с обветренным лицом тоненького Саньку Захарова, которого так недавно привел с собой на тральщик Федор Валявкин. Возмужал паренек, стал совсем взрослым, хотя времени прошло не так уж много.

Всегда выдержанный, спокойный, с постоянно ровным настроением Саша был любимцем товарищей, хотя и был одним из самых молодых на тральщике. С ним часто советовались, делились сокровенными мыслями.

Уже тогда у юноши сложился характер, который впоследствии сделает из него прекрасного командира. Он был чуток, тактичен и авторитет завоевывал не глоткой, не бахвальством, не пьянкой, а редкостной своей скромностью, за которой угадывалась незаурядная воля.

И никто, пожалуй, не знал, что у Саши бывают такие моменты, когда он забывает о выдержке и спокойствии. А плохое настроение появлялось у Александра тогда, когда он тосковал о доме. Были минуты, когда он многое бы отдал за то, чтобы очутиться в Онеге, подышать теплым запахом родного дома, почувствовать ласку материнской руки, побыть со своими. Впрочем, когда у него бывало плохое настроение, знал об этом он один, потому что ему и в голову не могло прийти показывать свое настроение. Настроение — это твое собственное дело, и никого оно не касается, потому что у всех дела и некогда разнюниваться.

Тоска по дому отпускала только тогда, когда в Мурманске Саша сходил на берег и встречался с Варей.

С этой темноволосой девушкой с длинными косами он мог разговаривать о чем угодно. Она приглянулась ему сразу, как только он увидел ее. Познакомились они совсем случайно. В тридцатые годы Мурманск только начинал строиться. В нем уже появились первые многоэтажные дома, так своеобразно сочетающиеся с суровыми скалами, вплотную подступившими к городу. Город рос, и ему требовались рабочие руки. Со всех сторон съезжались сюда, в Заполярье, люди разных спе-

циальностей: из Астрахани, Вологды, Саратова — всех мест и не перечислишь. У моряков даже бытовало такое определение: «Пошли гулять к «астраханцам», или «к вологодцам», или еще к каким-либо «иногородцам». В этот раз Александр с товарищами пошли к «саратовцам». Вот здесь-то он и встретил свою будущую жену.

Саша сразу обратил тогда на нее внимание. В ней была та сдержанность, то чувство собственного достоинства, которое так ценится уроженцами русского Севера. Варя была скромна и в то же время она как бы излучала то тепло, по которому тосковал Александр, оторванный от родных. Когда они, однажды погуляв, остановились, чтобы распрощаться, Александр, пристально взглянув ей в глаза, понял, что не хочет и не может расстаться с ней, и хотелось ему сказать ей об этом. Но не сказал — видно, таков уж характер у моря.

Три года продолжалась их дружба, а в 1936 году они поженились и с тех пор так и идут рядом по жизни. О многом мечтали они тогда, строили планы на будущее. Мечты и планы часто менялись, кроме одного. Было твердо решено: Александр должен учиться, чтобы стать капитаном. Первый год поступить в техникум помешал «Краб» — тральщик ушел в рейс, и на его борту ушел Шабалин, а когда вернулся, было поздно: прием закончился. Но неудача не испугала Александра. Учиться он все равно будет, во что бы то ни стало.

А тут и отец шлет письмо, где пишет:

«Сашка, ежели есть возможность, учись на капитана. Да, я знаю, что моряки любят погулять и повеселиться, так ты гулять-то гуляй, но дела не забывай.

Мне самому раньше отец говаривал: сегодня гули, завтра гули, смотри, чтобы в лапти не обули! И я слушался старика. Сам вырос, а вот теперь и вас — троицу ребят — в люди вывожу. Так вот я и тебе говорю: «Держись, Сашка, чтобы гули-гуляшки не оставили тебя без тельняшки». От моря я тебя не отговариваю, ступай по этой линии, и мать тоже согласна на это, хоть и тоскует по тебе очень...»

Хоть жаль расставаться с товарищами — привык к ним, сроднился, но больше откладывать учебу было нельзя.

Шабалин ушел с тральщика, поступил на курсы штурманов и успешно их закончил. Его назначили штурманом на рыболовный тральщик «Ваер», что означает «стальной трос». Теперь Саша сам водит тральщик. Ему «везет ловить рыбу» — как будто специально попадаютя косяки трески. Все складывается удачно: интересная работа и любимая молодая жена, единственно, что огорчало, — негде жить. Ведь оба они приезжие и потому жили в общежитии. Вот и приходилось назначать друг другу свидания, как и прежде. Товарищи подшучивали: вы как молодые, все свидания да свидания. Но Александр и Варя не унывали. Они действительно были полны несокрушимого оптимизма молодости и твердо верили, что все образуется, все будет хорошо. О собственном доме не думали: знали, что скоро Александру идти в армию. Вот отслужит свое, вернется — тогда дело другое, тогда нужно будет начинать жизнь солидную, как и подобает штурману.

Вскоре на имя Александра Шабалина пришла повестка, и его призвали в армию. На флот.

Александр уехал в Кронштадт осваивать новую специальность, становиться военным человеком.

ГЛАВА III

Никогда не думал Александр, что существует на свете такой красивый город, как Ленинград. Но недолго пробыл он на сей раз в Северной Пальмире — всего несколько часов, пока не отправили его и других призывников на остров Котлин в Кронштадт.

После суровой природы Заполярья с ее невзрачной растительностью и бесконечными однообразными сопками Ленинград с его великолепными парками, с зелеными газонами произвел сильное впечатление на не привыкшего к такой красоте северянина. А прекрасные дворцы, украшенные скульптурами, заметный издали золотой шпиль Адмиралтейства и сияющий купол Исаакиевского собора, — все это казалось Александру невероятным и сказочным. Шабалину хотелось спокойно побродить по улицам, подолгу останавливаясь у понравившихся ему домов и дворцов и смотреть, смотреть без конца, впитывая в себя очарование города.

«Жаль, нет Вари, — думал он. — Вот бы вместе с ней на такую красоту посмотрели».

Но это была мечта, а в действительности он с товарищами трясся в кузове расхлябанного грузовика, держа путь к пристани. Им предстояло погрузиться на пассажирский пароход и прибыть в Кронштадт.

Призывники, сидевшие вместе с ним в грузовике, тоже ахали и охали от сказочных ленинградских чудес, а главное, от того, что сами, воочию, видели места исторические, легендарные, о которых только читали и которые столько раз видели в кино. Когда впервые видишь места, о которых раньше знал лишь из книг, бывает, что испытываешь какое-то разочарование. В мыслях все было красивее. Но Ленинград не обманул ожи-

даний, он оказался еще прекраснее, чем Саша мог себе представить. Но пока что служба звала его в Кронштадт.

Кронштадт находится в восточной части Финского залива, а постоянно окутывающая остров туманная дымка создает впечатление какой-то нереальности, и кажется, что он расположен не вблизи Ленинграда, а где-то на самом краю света.

Кронштадт — город-крепость. Он очень удачно расположен, его нельзя миновать, направляясь в Ленинград с моря, и не случайно еще в 1720 году Петр I писал в указе начальнику береговой обороны: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело». Не один раз оправдывал Кронштадт свое назначение, преграждал путь врагам к Ленинграду.

А пока что об истории Кронштадта Александр знал только по книгам и радовался, что именно здесь предстоит ему стать военным человеком.

К приезду призывников готовились. Их поместили в вычищенных до блеска казармах, определили каждому его место, и началась новая жизнь. Сначала было трудно. Очень строгий распорядок дня, по восемь часов в день занятия строевой подготовкой. После гражданской вольницы четкая регламентация жизни в казарме, где каждый твой шаг заранее расписан и подчинен строжайшему распорядку дня, казалась вначале бездушной. Но прошло всего несколько дней, Александр втянулся в новую жизнь, и кажущаяся бездушность начала оборачиваться ощущением деловой целесообразности.

Правда, надо сказать, что Александру было легче, чем другим. Проработав на рыболовецких судах, он уже успел узнать, что такое дисциплина, что такое труд, и

потому привык к флотским распорядкам буквально за несколько дней. И не только привык, а выполнял с удовольствием.

Так продолжалось три месяца. Заниматься приходилось много, программа есть программа, здесь никого не интересовало, что Шабалин и раньше был знаком с морской службой. Далеко не всегда хотелось ему идти на занятия — многое из того, что рассказывали преподаватели, было ему, как бывшему штурману, знакомо. Но никто даже и не догадывался об этом.

Три месяца промчались как три дня, а потом началась учеба по специальности. Александра, как человека опытного, уже повидавшего море, перевели из учебного отряда в команду торпедных катеров.

Вот с этого-то момента и стал Александр Шабалин катерником, навсегда связал свою судьбу с этими самыми маленькими в военном флоте кораблями.

Не думал Александр Шабалин, когда впервые увидел торпедные катера, что на долгие годы свяжет с ними его судьба, что будет он на них воевать, защищая Родину, что станет дважды Героем Советского Союза, что прославит эти маленькие, но страшные для врага корабли.

Торпедный катер хотя и крошечный, но грозный противник. Судно-малютка ловкое, увертливое. Его основное оружие — скорость и внезапность. Кто-то метко назвал катера «москитный флот», и это очень правильное определение: трудно увернуться от его жала-торпеды, и еще сложнее для противника догнать крохотное быстроходное суденышко.

Внимательно, не шелохнувшись, слушали будущие торпедисты лекции по истории возникновения и развития торпедных катеров. Александр с интересом узнал

о том, что катера появились еще в 1877 году. Правда, тогда они назывались иначе — «минные катера» и были вооружены миной, насаженной на длинный шест. Потом был разработан новый, более усовершенствованный способ истребления судов противника — была создана самодвижущаяся мина — торпеда. Одновременно модернизировались и сами суда, и уже в империалистическую войну принимали участие во многих операциях бесстрашные корабли-малютки.

Через три месяца Александр досрочно закончил учебу, и его направили боцманом в дивизию торпедных катеров на Балтийский флот. Боцман должен многое уметь: читать семафор, знать сигнализацию, а главное, как свои пять пальцев и даже лучше знать устройство катера и его вооружение. И кроме того, не хуже, чем катер, а может быть, и лучше, боцман должен знать каждого члена команды, что он из себя представляет, чем дышит.

Совсем, кажется, недавно, робея, поднялся, Александр в первый раз на борт «Краба» и стал юнгой. И вот он уже боцман. И оттого, что Шабалин чуток по натуре, тактичен и оттого, что хорошо помнил свои первые дни в море, он легко нашел общий язык с экипажем. Александр никогда не требовал, чтобы его уважали, он вел себя так, что его уважали. Он завоевывал авторитет не словами, а делами.

Один — за всех, все — за одного — девиз каждого катерника. Железный закон, который нельзя нарушить. На маленьком корабле с небольшим экипажем специализация весьма условна. Поэтому любой из моряков-катерников знает не только свое дело, он сможет заменить любого из товарищей, если вдруг настанет такой момент. Моряки испокон века народ дружный.

Без этого нельзя, ибо корабль в море не терпит разобщенности. Но для крошечного катера сплоченность экипажа приобретает особый характер. Здесь члены экипажа не просто одна семья и их связывает не просто дружба. Нечто более крепкое и сильное.

Катер типа Г-5, где служил Александр, естественно, ничем не отличался от других: такой же хрупкий, маленький и увергливый. При всех их положительных качествах у этих катеров был и большой недостаток: они могли действовать только в несложных погодных условиях. Волны заливали палубу, а при низких температурах обмерзали корпус и вооружение. Штормовые погоды для них непригодны, а ведь на Баренцевом и Северном морях хорошая погода редкость, здесь большей частью штормит.

Поэтому в Главном штабе ВМФ долго считали, что торпедные катера неприменимы на Северном флоте, — слишком они малы и беззащитны. Да и сейчас, когда прошло почти тридцать лет, все еще не верится, что корабли с такими данными могли в северных водах наносить непоправимый урон врагу.

В наши дни корабль с водоизмещением в 80 тонн считается небольшим. Что же тогда можно сказать о тогдашнем катере Г-5 водоизмещением в 16,9 тонны. Как говорится, комментарии излишни.

Тогда на Балтике не только моряки проходили учебную практику — катера тоже держали экзамен на выносливость и пригодность. Шабалин помнит свое первое знакомство с катером в море. Очень было здорово, когда катер, высоко задрав нос, несясь по волнам. Воздух становился плотным от скорости, волны — жесткими и резко били в дрожащий как бы от нетерпения корпус катера. Дух захватывало у Александра, и воз-

никало непередаваемое чувство — будто у него вырастали крылья.

Командир катера лейтенант Гладенко заметил, как увлечен Шабалин морем, с каким вниманием он слушает все, что ему говорит командир.

— Хочешь научиться управлять катером? — как-то раз спросил у Александра капитан.

Шабалин даже не ответил и лишь с трудом проглотил слюну. Для чего этот вопрос? Через несколько дней Шабалин сам вел торпедный катер...

Ему приходилось уже стоять за штурвалом рыболовецких судов. И тогда корабль повиновался ему, но сейчас это было совсем другое ощущение. Там он, так сказать, ехал на неторопливой телеге, здесь летел в седле распластавшегося в полете скакуна, послушного каждому, даже малейшему, движению его руки.

Так, катерным боцманом Шабалин проплавал на Балтике до начала 1938 года, а потом его по специальному распоряжению перевели на Север, в Полярный. Пожалуй, именно там Александр почувствовал себя окончательно на месте. Снова перед ним родное Баренцево море с его тяжелыми свинцовыми волнами. Опять его, куда ни кинь взор, окружают знакомые сопки и гранитные скалы. Шабалин счастлив: это его родина, это его дом! Есть моря более теплые, есть берега более живописные, но родные места не выбираешь, а любишь их такими, какие они есть. Может быть, северяне именно потому так остро любят родные места, так привязаны к ним, что не броски они, не потрясают окровавленной южной красотой.

...Полярный. Маленький поселок, закинутый среди сопкок. Все-таки было трудно Вале Шабалиной привыкать к суровой северной природе, хотя и до этого уже по-

жила она в Мурманске, где климат не многим лучше. Но здесь, в Полярном, где домов-то было наперечет, еще больше чувствовался север. Голые гранитные скалы, сопки, покрытые мохом и низкими изогнувшимися от ветров деревьями, — вот и вся растительность, которая может выжить в этом царстве редкого, скупого солнца и частых жестоких ветров. Правда, и в этом пейзаже есть своеобразная красота. Меняют свой цвет в зависимости от погоды и времени дня скалы, кажутся они то темно-коричневыми, то серыми, а иногда в редкие солнечные дни, если окажешься рядом, сверкают в них как бы яркие звездочки — это блестят вкрапленные в гранит породы. Пестрым упругим ковром покрывает сопки разноцветный мох: то зеленый, то желтый, а кое-где и ярко-красный. Не надо думать, что здесь нет цветов, их немного, но они все же есть; это или странные, какие-то неземные фиолетовые цветы на длинных тонких стеблях, или мелкие бледно-голубые, как бусинки рассыпанные среди мха. На мягком мхе растут грибы: подберезовики, подосиновики и даже белые. Грибов здесь очень много, и кажется, что природа, устыдившись своей скупости, хоть чем-то стремится одарить здешний народ. Но все равно жить здесь трудно, очень трудно. И даже сейчас трудно, хотя прошло уже немало времени, и вряд ли можно сравнивать, как живут люди теперь и как жили тридцать с лишним лет назад. Каким мужеством и какими глубокими человеческими чувствами должны обладать те женщины, жены военных, которые всю свою жизнь проводят или среди снегов и сопки, или в пустыне, где от жары ртуть разбивает стекло градусника. Это тоже своего рода подвиг, и об этом нельзя никогда забывать.

Хотя и трудно приходилось Вале Шабалиной, но

зато она находилась рядом с мужем, и им больше не надо было назначать друг другу свидания, как это было в Мурманске.

Есть семьи, для которых жизнь в таком маленьком поселке была бы бесконечно трудной: почти нет развлечений, нет новых лиц, существование сурово и монотонно. Для любви поверхностной, непрочной такое испытание могло бы быть непосильным. Но Варя и Александр Шабалины не только не жаловались, они были счастливы. Они были вместе, они любили друг друга, Александр выполнял свой долг перед Родиной — чего еще можно было желать? То есть, вернее, желать можно было много, но все это было не главное, второстепенное по сравнению с тем, что составляло основу их жизни.

Александр Шабалин продолжал служить на катере боцманом. Вот гдегодились ему его знания, полученные еще тогда, когда ходил он штурманом на тральщике. Шабалин прекрасно знал все повадки капризного северного моря. Даже больше чем знал, он его чувствовал. Рыбак, пожалуй, ближе к морю, чем другие моряки. Как никто другой, наблюдает он за небом, ветром, волной, ведь для него это не только вопрос безопасности его судна, но еще и признаки, по которым нужно угадать, будет ли в этом месте сегодня стоящий улов.

— Моря бояться нечего, его чувствовать надо, — говорил Александр.

И верно, Шабалин всегда чувствовал море, и оно, если можно так сказать, платило ему взаимностью.

Сначала в Полярном было два торпедных катера, но вскоре прислали третий. А через некоторое время Александру Шабалину присваивают звание младшего

лейтенанта и приказом командующего назначают командиром торпедного катера.

Итак, с мая 1939 года Александр Осипович Шабалин окончательно становится военным моряком.

...Война с Финляндией. Торпедные катера почти не принимали в ней участия — они не могли ходить зимой. Но командование направило Шабалина командовать «дивизионом» дрейфтерботов. Задание было ясно: обеспечить высадку людей, перевозку грузов, наладить связь с берегом.

Чтобы быстро и незаметно высадить людей, сначала надо самым тщательным образом изучить берег. Лучшими судами для этой цели оказались дрейфтерботы — маленькие рыболовные деревянные суда, предназначенные для ловли сельдей. Они теперь вооружились, на них установили пушку, и эти маленькие суденышки лихо бороздили море, развивая предельную для них скорость в восемь-девять узлов. После торпедного катера скорость эта была просто смехотворной, казалось, что судно стоит на месте, но и здесь Шабалину помог его опыт рыбака. Как раз для рыбака эта скорость, да и само суденышко были привычны, и он скоро почувствовал себя на нем как дома. Безотказные труженики ходили в море в туман, в мороз, провожали транспорты в Печенгу (Лиинахамари), перевозили людей и грузы. Так продолжалось до тех пор, пока не закончились финские события. В памяти Шабалина как на фотографии запечатлелись все извилины изрезанных берегов, все заливы и заливчики полуостровов Среднего и Рыбачьего. Тогда он и не предполагал, что впоследствии эти знания так пригодятся ему. Теперь же можно смело сказать: если бы не было у Шабалина такого огромного опыта и знания местности, вряд ли смог бы он потом

в ту решающую ночь кораблем-невидимкой проникнуть в Лиинахамари.

В конце зимы 1940 года Шабалин снова вернулся на свой катер, к своей команде, к товарищам, с которыми он успел сдружиться и сблизиться.

...Машины, как и люди, требуют внимания и бережного к себе отношения. Специальная комиссия тщательно осмотрела катера и вынесла приговор: катерам необходим капитальный ремонт. И вот Александр Шабалин в качестве сопровождающего отправился в Кронштадт, куда на специальных платформах отгрузили катера.

Путь был долгий и хлопотливый — пересадки, беготня к железнодорожному начальству с просьбой ускорить отправку. Да и не привык Александр к таким хлопотам. Здесь бумажка, там резолюция, тут печать. На море все четче, проще и все зависит только от тебя и от твоего умения. Моментами ему казалось, что он никогда не доберется до пункта назначения, но выручали природная выдержка и терпение.

Но вот все уже позади — катера благополучно прибыли в мастерские, где получили временную прописку до конца ремонта, а Александр устроился в заводском общежитии.

Ремонт тянется долго — уже июнь 1941 года, Шабалин нервничает — до смерти надоело болтаться без дела в Кронштадте; ведь, по его мнению, для него нет настоящего дела вдаль от моря. Но всему приходит конец — катера отремонтированы, испытаны, неоднократно проверены на воде, приняты от завода, и уже заказаны на 23 июня платформы, чтобы отправить их домой, в Полярный.

Александр был доволен — скоро он увидит семью, вернется домой в уютную комнату, где делает свои пер-

вые шаги маленький Генка и где терпеливо ждет его Варя. Теперь уже осталось совсем немного, и они все снова будут вместе.

Но все получилось совсем иначе...

22 июня 1941 года Германия начала войну против Советского Союза.

ГЛАВА IV

Бывают такие события, которые в корне меняют всю жизнь. Жизнь страны, города, человека. Они являются своеобразным рубежом, который четко делит все на две, часто неравные, части: «до» и «после». Таким рубежом для каждого советского человека был день 22 июня 1941 года, когда гитлеровские войска совершили на нашу страну свое вероломное нападение.

В это раннее утро Александра разбудил какой-то шум. Надсадно гудели моторы летевших один за другим самолетов. Шабалин прислушался: как-то тревожно стало у него на душе, хотя никаких видимых причин для этого не было.

Спать Александру уже не хотелось, и он вышел в коридор. В маленьком домике, где помещалось заводское общежитие, было тихо, никого не было видно. На дворе тоже ни души.

«Ребята спят еще, — подумал Шабалин, — да, конечно, сегодня ведь воскресенье, а вчера с работой пришлось крутиться допоздна. Все устали. Пойду, пожалуй, тоже еще прилягу».

Он вошел в комнату, сел на койку, но сон определенно исчез. Шабалин смотрел в окно и думал, что остался только один день, и он отправится домой. Уж об-

ратный-то путь наверняка будет легче. Во-первых, к дому, а не от него. Во-вторых, катера отремонтированы на славу, и можно теперь о них не беспокоиться. Дело было сделано.

«Как там мой? — размышлял он. — Что-то они сейчас делают? Генка, наверное, еще спит, а Варя хлопочет по хозяйству». Мысли были теплыми, уютными, и Александр улыбнулся, представив себе громко топающего по полу сынишку и ладную фигурку жены с собранными в тугой узел темными косами. Он так задумался, что невольно вздрогнул, когда тишину взорвало страшное и такое непривычное для слуха слово «война!»

Уже в двенадцать часов дня война дала о себе знать. Черной тучей закрыли небо вражеские самолеты, угрожающе заревели моторы, и первые бомбы посыпались на землю...

Разговор с командиром базы Зозулей был у Александра недолгим:

— Остаться на Балтике до особого распоряжения.

Теперь Шабалин стал моряком Балтийского флота.

Налеты вражеской авиации продолжались. В них трудно было окончательно поверить, все еще казалось, что это страшный сон и надо лишь сделать усилие, чтобы проснуться и стряхнуть с себя кошмар. Но это была действительность, действительность непривычная и жестокая. Когда тревожные гудки паровозов, взрывы бомб и залпы зениток сливаются в рвущий барабанные перепонки гул. Когда черная пелена пожара висит над городом и когда в мирную жизнь миллионов людей властно вошли новые, полные глубокого смысла слова «тревога» и «отбой». Первые слезы и кровь. Уже оплакиваются первые жертвы. Уже трагически вздымаются в небо обугленные остовы разбомбленных зданий. Война

стала реальностью, которая не давала забывать о себе ни на секунду.

И война уже стала проверять людские характеры, выявлять людей настоящих и болтунов. Уже во время первых бомбежек, когда инстинкт самосохранения так и толкал в укрытие, Александр ни разу не позволил себе впасть в панику — он наблюдал воздушные палеты на улице. Это был, в конце концов, тот же шторм, только неизмеримо более жестокий, и этот шторм нужно было победить. И как при настоящем шторме для этого прежде всего нужна была ясная голова, спокойствие и стремление честно и четко делать свое дело.

Через некоторое время Александра Шабалина назначили командиром торпедного катера и началась его боевая служба. Он отвечал за все: за людей, за оружие, за отличное выполнение боевого задания.

Катер Шабалина находился в полной боевой готовности: заряжены торпедные аппараты, проверены и готовы к бою пулеметы. У Александра уже есть некоторый военный опыт — не так давно закончилась война с Финляндией. Тогда не пришлось молодому командиру вступить в бой с противником, но зато сейчас встреча с противником может состояться каждую минуту.

Катер Шабалина часто получает задание сопровождать наши суда, и каждый раз при выходе в море катерники надеются: сегодня-то уже наверняка произойдет встреча с врагом. Но день проходил, и противник опять не появлялся.

Разные задания выполнял Шабалин. Приходилось ставить мины в финских шхерах на подходах к Котке. Не раз приходилось работать под жестоким обстрелом. Именно работать, потому что война — это тяжелая повседневная работа, где никто не снимает табель прихода

и ухода, где никто не просит очередного отпуска или отгула.

И другие задания выполнял Шабалин. Однажды он доставлял из Кронштадта в Таллин адмирала Исакова. Команда знала, что задание не из простых: катер идет без прикрытия, а самолеты противника летают над морем — выискивают подходящую цель. Конечно, вряд ли кому из немецких летчиков могло прийти в голову, что на маленьком катере может идти адмирал, но кто знает, как пройдет это путешествие. К счастью, все обошлось благополучно, и катер Шабалина прибыл в бухту, где он должен был встретиться с катерами из Таллина, в точно назначенное время. А вот таллинцы опоздали, и пришлось их ждать. Ну, а уж если ждать, так устраиваться со всеми удобствами. Моряки — народ сообразительный: расстелили на камнях матрасы и легли — так во всех смыслах удобнее — если уж враги заметят катер и уничтожат его, то люди останутся невредимыми, а если нет, то отдыхать так куда лучше, чем сидя на валунах.

«Как на курорте, только солнца маловато, а то бы и позагорали», — шутили катерники.

Вместе со всеми отдыхал и адмирал Исаков.

Катера таллинцев наконец появились, и адмирал благополучно отправился дальше. Шабалинцы пошли назад, но тоже не одни: надо сопровождать вышедшую из строя и укрывавшуюся неподалеку в бухте подводную лодку.

Сначала все шло нормально, уже недалеко свои.

— Кончается топливо, — вдруг доложили Шабалину.

Как немного нужно, всего несколько секунд, чтобы сразу все изменилось: не только лодка, но и катер стали

беспомощными. Да что и говорить — положение сложное. А если появится противник, что делать тогда?

— Постарайтесь, ребята, — попросил Шабалин, — теперь уже осталось недолго.

Действительно, уже виднелся маяк Хайлоды, а там можно переждать. Ребята старались вовсю, и упрямый катер довел лодку до маяка. Сообщили на базу, что ждут помощи.

Ответ был лаконичен: «Идем, ждите!»

Но одинокий катер (лодка уже ушла), беспомощно качающийся на волнах, — это уже подходящая цель для врага.

— Замаскироваться парусами, — приказал Шабалин.

Через несколько минут катер был неузнаваем, он походил уже на небольшую яхточку. Вскоре прибыл катер с топливом, и оба катера благополучно вернулись на базу.

Месяц с небольшим служил Шабалин на Балтике, а потом его откомандировали обратно на Северный флот.

...Переполненные поезда двигались медленно, оставаясь в самый неожиданный момент. Расстояние между Ленинградом и Мурманском, казалось, удлинилось во много раз, и пути не будет конца. Война выгнала из домов людей. Из Мурманска и других городов шли в тыл составы с женщинами, стариками, детьми — это эвакуировалось мирное население. А их место занимали те, кому предстояло своей грудью защищать этих беспомощных и бесконечно дорогих для каждого бойца людей, защищать каждую пядь родной земли — защищать все то, что зовется Родиной. В одном из последних эшелонов, направляющихся на Север, ехал и Шабалин.

Мурманск встретил Шабалина дождем. Серая дрожая стена падающих капель еще больше подчерки-

вала трагичность обстановки. Александр не узнавал знакомые улицы — совсем недавно здесь был тесный ряд дсревянных строений, а сейчас, как гнилые, черные зубы, торчат руины разрушенных зданий, темные провалы ям вместо мостовых, а на уцелевших стенах вырваны куски дерева. Единственно, что еще более или менее сохранилось, — это порт: зенитные батареи не подпускали к нему противника. И тем разительнее был контраст между пустынным полуразрушенным городом и причалами, где по-прежнему швартовались суда и слышалась громкая разноязычная речь. Александр долгим взглядом окинул изуродованное лицо родного города.

Начальник отдела кадров Северного флота встретил Шабалина довольно сухо:

— Чем вы объясните тот факт, что ваше личное дело здесь, у нас, а вы остались служить в Кронштадте?

Александр рассказал, что он сопровождал на ремонт катера, как война застала его в Кронштадте и как ему приказали быть командиром торпедного катера.

Такое объяснение было сочтено вполне удовлетворительным, и Шабалина назначили командиром катера. Срок на подготовку и подбор команды был определен в две недели. Сегодня в штабе Шабалину нечего было делать. Александр пошел пешком по городу, все еще не веря, что он изуродован. Таким он его запомнит навсегда и никогда не простит тому, кто смел поднять на него руку.

Катер ТКА-13, который достался Шабалину, был новенький. Приятно было смотреть на маленькое изящное судно, напоминающее игрушку. Не было на катере такого винтика, который не осмотрел бы Александр: он опробовал все оборудование, тщательно проверил оружие, торпедные аппараты — все было в прекрасном со-

стоянии. Команда тоже подобралась подходящая: хотя Шабалин раньше никого из них не знал, ребята что надо, один к одному.

Он не жалел времени, чтобы поближе познакомиться с каждым. Ведь это не просто экипаж, это экипаж, с которым придется воевать, и тогда от действия каждого будут зависеть и исход боя и их жизнь. Ведь исправлять ошибки в бою не приходится. У катерников, как у минеров, каждая ошибка может быть роковой. Заест торпедный аппарат — и усилия всего экипажа окажутся напрасными. Откажет в бою мотор — и катер становится легкой добычей врага, потому что скорость — единственная его защита (кроме, конечно, торпед и пулеметов).

И вот, наконец, Шабалин стоит за штурвалом, и катер летит по волнам, оставляя за собой белый вспененный след. Ход у катера отличный — в бою не подведет. Проверили в действии и торпедные аппараты: длинные сигарообразные торпеды с большой точностью ложились в цель. Но для того чтобы попасть торпедой в движущуюся цель, этого мало. В такие моменты многое решает командирское хладнокровие.

Торпеда может уничтожить любое судно среднего тоннажа, а линейный корабль надолго вывести из строя. Торпеду выбрасывают из специального желоба с помощью сжатого воздуха с кормы, какое-то время она продолжает двигаться вслед за катером, причем двигаются торпеды вначале и по инерции и при помощи своего двигателя. Поэтому катер должен в считанные секунды развернуться и уйти, чтобы не оказаться на пути торпеды. Теперь торпеда движется своим ходом по заданному командиром направлению. Все это далеко не просто, и нужна большая тренировка, чтобы стать ма-

стером торпедного удара. Александр Осипович Шабалин еще на учениях прекрасно овладел этим сложным оружием.

Кончились все пробные плавания и учебная стрельба, и несколько торпедных катеров, в том числе и катер Шабалина, 24 августа 1941 года вышли в море на поиски противника, но он обнаружен не был. И так продолжалось больше двух недель, пока 11 сентября 1941 года не состоялся первый бой, первое «боевое крещение», после чего Александр Шабалин стал известен как «самый хитрый катерник».

Этот бой, по-видимому, заставил врага сделать свои выводы: фашисты стали очень осторожны, они увеличили охрану своих кораблей, а их авиация усилила налеты на наши базы.

...Одно из самых трудных испытаний — это ожидание, особенно, когда ждешь что-то очень важное для себя. И сейчас, когда моряки рвались в бой, каждый новый день начинался с надеждой, что «это будет сегодня». И когда проходил день и наступала ночь и все оставалось по-прежнему, катерники возмущались и высказывали по этому поводу свои соображения в весьма крепких выражениях. Шабалин, как мог, подбадривал товарищей, объяснял им обстановку. Это время он старался использовать для учебы команды.

Обычно занятия происходили на базе, в землянках, где раньше-то повернуться было негде, а сейчас размещались команды со всех катеров. На разные темы велись беседы, но чаще всего шел разговор о том, как лучше топить вражеские корабли. Катерники с вниманием прислушивались к словам командира.

— Надо всегда помнить, — говорил Шабалин, — что для нас не существует никаких мелочей. Надо все про-

думать до каждой детали, знать на катере все до последнего винтика. Знать надо все точно, но нельзя надеяться на то, что все знаешь: перед каждым выходом в море все заново проверять. Дальше. Не надо считать противника глупее тебя — готовься тщательно и думай о том, как его получше обмануть. А здесь надо все учитывать: и погоду, и какой в этот раз перед тобой враг. Если, например, видишь, что противник сильнее, то ни в коем случае не бойся, а прикидывай, как ему получше нанести удар. Да притом там, где он меньше всего ожидает. Возьмем такой случай: заметил нас противник и сигнализирует на опознавание. Что будет, если мы молча будем уходить? Насторожится, поймет, что это враг, и будет действовать. А если начать отвечать на его сигналы теми же, что и у него, тогда не сразу противник разберется что к чему и время пройдет. А тут уж не теряйся — бери инициативу в свои руки. И потом последнее: моря нельзя бояться, его понимать надо.

Вскоре слова Шабалина подтвердились на практике...

В этот день, 2 октября 1941 года, два катера, одним из которых командовал Шабалин, вышли в море. Они держали путь по направлению к норвежскому порту Киркенес. В этом порту уже хозяйничали фашисты, и время от времени оттуда выходили их суда. Воздушная разведка тщательно осмотрела море, но противник нигде не был обнаружен. И вот два советских катера вышли на «свободную охоту». Их задача ясна: не рассчитывать на то, что противник случайно появится, а активно искать его, все время курсируя на том участке, где проходят вражеские коммуникации. Катера шли, стараясь ничем не выдать врагу своего присутствия. Уже поздно, время после полуночи, вся команда напряженно всматривается в ночную темноту. Тихо. Только вспыхивают

в небе разноцветные дрожащие огни. Они то загораются, то гаснут, освещая море неверным бледно-зеленым светом. Это северное сияние оповещает о том, что уже наступила осень... Сначала катера шли с малой скоростью, слегка подсакивая на небольших волнах. Но вдруг ветер переменялся, стал сильным, пронизывающим — крупные волны всерьез взялись за катера. Брызги становились все более обильными, и их уже трудно было назвать брызгами. Они сливались в едкие струйки, от которых горело лицо и саднили глаза и губы.

Промокший и замерзший Шабалин, стоя за штурвалом головного катера, пристально всматривался в темноту. Никого!

— Глядеть внимательней! — приказывал он сигнальщику Соловьеву.

Но ответ был однозначен.

— Горизонт чист, товарищ командир.

И вдруг, когда надежда уже почти исчезла, послышались слова:

— Слева видны движущиеся точки.

Значит, дождались, ничего не подозревающий враг сам идет навстречу. Обстановка для атаки самая благоприятная: катера притаились в тени берега в глубине фиорда, откуда немцы меньше всего ожидают нападения. Сейчас корабли хорошо видны: два транспорта и два корабля охранения.

Два часа ночи! Пора! Можно действовать. Ведь враг их не видит, он растеряется от атаки кораблей-невидимок. Шабалин быстро объявляет план действий — первый транспорт атакует он, второй — другой катер. Выходят в атаку одновременно.

Такая тактика должна привести к победе. Она, во-первых, неожиданна для фашистов — они ждут совет-

ские корабли с моря, а во-вторых, держась у берега, можно дольше остаться незамеченными. Надо как можно ближе подойти к врагу. В свете полярного сияния видны очертания большого транспорта. Еще ближе! Еще! Фашисты даже не подозревают о надвигающейся на них опасности.

Взрели моторы, и катера полным ходом пошли на сближение с кораблями противника. Продолжая сближаться, Александр быстро производил все расчеты. Его катер подошел на самую короткую дистанцию.

Залп!

Раздается глухой звук от ударившихся о поверхность воды торпед. Белый пенистый бурун четко указывает тот путь, по которому они идут.

— Сейчас все будет ясно, — волнуясь, думает вслух Шабалин. Секунды текут, как назло, медленно, теперь уже счет перешел на мгновения...

И наконец вспыхивает долгожданное зарево. Лавина грохота обрушивается на барабанные перепонки моряков. Торпеды Шабалина достигли цели — транспорт переломился пополам, корма поднялась вверх так, что стали видны его работающие вхолостую винты, и пошел под воду, а на месте его возник крутящийся высокий столб.

— Есть! — облегченно вздыхает кто-то.

Теперь можно отходить. Шабалин начинает разворачивать катер.

«Но почему нет нового взрыва? Почему бездействует второй катер, на долю которого приходится второй транспорт? Значит, что-то случилось с товарищем? Надо выручать!» Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Шабалина. Он резко поворачивает катер и снова торопится навстречу вражеским судам.

А противник уже успел прийти в себя после атаки. Огненные глаза прожекторов в упор уставились на Шабалина, кругом взлетают в воздух столбы воды от разрывов. Кажется, что судно вздрагивает от безжалостных ударов. Фашистские комендоры обрушили на катер ТКА-13 всю мощь своих орудий. Но катер Шабалина упрямо идет по намеченному пути. Теперь командир уже видит, спасибо прожекторам, где катер товарища. Как слепой, тот кружится на месте, пытаясь уйти из-под обстрела. Но все его старания напрасны. Огненное кольцо сжимается все теснее — осколки наносят новые раны обшивке катера. Шабалин подошел совсем близко ко второму катеру.

Все ясно: обе торпеды на месте. Значит, не сработало запальное устройство торпедных аппаратов и катер после несостоявшейся атаки не может быстро уйти со своим тяжелым грузом.

«Вот нерадивые, — невольно пронеслась у него в голове раздраженная мысль. — Это надо же, не проверить как следует перед выходом в море торпедные аппараты!» Нет, с ним такое случиться не могло бы. Хоть и уверен он в своей технике, но каждый раз перед выходом в море еще и еще раз проверяет все до мельчайшего винтика.

Но так или иначе разберемся потом. Пока что нужно помогать товарищу в беде.

Снаряды ложатся совсем рядом с катером Александра. Немцы успели пристреляться как следует. Со второго катера потянулись цепочки пулеметных очередей — но это вряд ли может помочь: таким оружием не отобьешься от мощных орудий противника.

Ловким маневром Шабалин втиснул свой катер между врагом и катером товарища. Густая непроницаемая

дымовая завеса прикрыла беспомощный катер, отгородила его от фашистов.

— Иди в базу, — передал Шабалин.

Под прикрытием дымовой завесы катер вырвался в море.

«Теперь надо отвлечь внимание на себя», — решил Александр.

Отважный ТКА-13, вздымая белые валы, ринулся в ложную атаку. Тщетно искали в густом дыму фашистские бомбардирсы катер Шабалина. Он остался для них такой же невидимкой, как и в начале боя: появился неожиданно и так же неожиданно исчез.

Корабли противника легли на обратный курс, а советские катера благополучно возвратились на базу. Там самым тщательным образом был произведен разбор операции. Нерадивому командиру за недобросовестное отношение к своим обязанностям был сделан строгий выговор. Тяжело было ему смотреть в глаза товарищам, едва не погибшим по его вине.

Командование по заслугам оценило действия младшего лейтенанта Александра Осиповича Шабалина, наградив его орденом Ленина. Была отмечена орденами и его боевая команда.

* * *

Вечером на плавбазе «Ветер», где жили Александр Шабалин и другие моряки, было весело. Все собрались за столом в кают-компании и выпили за высокую награду. Кто-то придумал поджечь спирт в кружках. Эта идея всем пришлась по вкусу. Погасили свет, и только горящий синим огнем спирт освещал лица моряков. Было необычайно и торжественно, пока кто-то неловким движением не опрокинул на стол горящую жидкость. Начав-

шийся было пожар погасил сам «именинник» Александр Шабалин. И здесь сработали его молниеносная реакция и собранность. После так эффектно окончившегося ужина моряки вышли на палубу своего дома — корабля.

На небе повсюду полыхало северное сияние — сама природа устраивала салют в честь героя дня — Александра Осиповича Шабалина.

ГЛАВА V

Осень 1941 года. Первая военная осень. Природе безразлично, что происходит на земле. Она в отличие от людей неуклонно следует раз и навсегда заведенному расписанию. Желтеет и опадает листва с деревьев, короче и холоднее становятся дни. И природа никак не реагирует на то, что по злой воле человека уже в июне стали опадать листья, пожухла и увяла трава, а в октябре, когда сумерки правомерно должны были занять отведенные им часы, — светло как днем от горящих зданий. Во все это не вмешивается природа, а упрямо делает свое дело — отсчитывает дни в году...

На календаре дата — 6 ноября. В былое, мирное, время в этот день приподнятое, праздничное настроение чувствовалось повсюду. Толчея в магазинах, многолюдная оживленная толпа на улице, непрерывно звонящие в домах телефоны — обычная веселая предпраздничная суета. В этом году праздник отмечался иначе. Родина в опасности — значит, долг каждого советского человека хоть чем-нибудь отвести от нее беду. Фронт не знал ни дня ни ночи, и так же, не считаясь ни с чем, напряженно работали люди в тылу. Но несмотря ни на что, чувствовалось — завтра праздник.

В Москве, как обычно, проводились торжественные собрания трудящихся. Еще год назад в это время в Большом театре собирались лучшие люди столицы, чтобы вместе с партией и правительством подвести итоги и наметить планы на будущее. В этот раз торжественное собрание состоялось на перроне станции метро «Маяковская». Необычность обстановки еще больше подчеркивала торжественность происходящего. Лица присутствующих были суровы и решительны, а слова выступавших звучали как клятва в верности советскому строю.

Передачу о торжественном собрании в Москве слушали повсюду: партизаны, грозной силой затаившиеся в лесах, подпольщики на временно оккупированной фашистами земле, рискуя быть схваченными каждую минуту, воины, кто не был в этот момент в бою, и те, кто жил и работал в тылу.

Сотни тысяч боевых листовок, листовок, газет было выпущено в честь великого праздника. Отстуканные на машинке, часто неумелыми пальцами, написанные от руки, напечатанные в типографии — они все были одинаковы в одном: полны ненависти к врагу и любви к Родине.

Утром 7 ноября на Красной площади состоялся военный парад. Никто, даже его участники не знали, что парад будет. Многие думали, что их готовят к отправке на фронт. Подобного парада еще не было в истории ни одного государства. В душу каждого воина проникли слова Верховного Главнокомандующего: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих осво-

бодителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!»

Так же, как и другие, Александр Шабалин слушал трансляцию парада из Москвы. Очень хотелось ему сделать немцам свой личный праздничный подарок.

В штаб поступило сообщение: «Из Петсамо вышел транспорт с тирольскими горно-егерскими батальонами».

Ясно! Надо встретить противника и уничтожить его. Почетное задание поручили выполнить Шабалину.

На море разыгрывался шторм. Тяжелые холодные волны перекатывались через катер. Ветер, как проволок, сек лица, а временами швырял хлопья мокрого снега. Казалось, на сей раз погода решила стать на сторону противника и вывести из строя катер.

Несмотря на разыгравшуюся непогоду, Шабалин уверенно вел свой катер в мутной пелене. Полярная ночь тоже помогала врагу, ни зги не было видно. Очередной порыв шквалистого ветра, удар колючим снегом по глазам. Двигаться трудно: меховые куртки краснофлотцев приобрели жесткость металла — настолько они отяжелели от воды и льда. Люди оделись в ледяные кольчуги, и в такую же ледяную броню море и ветер заковали катер, покрыв стеклянной коркой палубу и оружие.

Но все равно ничто не поможет врагу. Моряки выполняют задание, они будут продолжать поиск до тех пор, пока не обнаружат врага. Не один час провели шабалинцы в бушующем студеном море. Теперь уже приходилось сдирать с бровей и ресниц корки льда, чтобы они не мешали всматриваться в темную бушующую даль...

Наконец появился долгожданный противник.

На большой скорости, не боясь, что его заметит враг, в таком море не очень-то разглядишь следы от катера, да и вряд ли немцы ждут в такую непогоду нападения — катер Шабалина понесся к транспорту.

Вот он, совсем близко!

— Залп! — кричит командир.

Торпеды дружно несутся к цели. Как зазубренная пила тянутся за ними взлохмаченные пенные следы. Даже море как будто затихло, ожидая развязки.

Наконец-то!

Взорванный транспорт начал идти ко дну. Вопли тонущих (как выяснилось позднее, на транспорте перевозили больше двух тысяч солдат и офицеров), казалось, перекрыли грохот боя.

«Получайте гостинец, — подумал Александр, — будете помнить наш праздник».

Напрасно сторожевики противника пытались уничтожить катер. Не так-то просто было попасть в стремительно мчавшееся суденышко, ведомое опытной и смелой рукой. Шабалин ни одним мускулом лица не выдавал своего напряжения. Он работал, он вел катер, уклоняя его от снарядов, выбирая точнейший путь. Через несколько минут он скрылся в темноте. Так отметил Александр Шабалин со своим экипажем 24-ю годовщину Великой Октябрьской революции.

* * *

На катере Шабалина появилась третья красная звездочка — значит, три корабля противника навсегда «приписаны» ко дну. Кто-то из катерников сочинил песню, а неизвестный композитор переложил ее на му-

зыку. Конечно, можно было придаться к словам песни и найти недостатки; но их никто не замечал, и стоило кому-нибудь взять гармонь и сыграть первые такты, как моряки дружно подхватывали задорный мотив:

К берегам фашистским,
К базам белофинским
В шторм и непогоду
В поиски врага
Уходил в разведку
Катер шабалинский,
И свой край полярный
Он оберегал.
И при лунном свете
Ринулся, как ветер,
Быстроходный катер
К вражьи́м берегам.
Дан приказ, чтоб всюду,
Где бы ни заметил,
Меткою торпедой бить,
Топить врага.
Все готовы к бою.
Шабалин спокоен.
Держит свой он катер
Точно на прицел.
Видит, вырастают
Черною горою
Корабли громилы. Залп!
Торпеды в цель!..
Взрывов мощной силы
Эхо прокатилось,
И взметнулось с дымом
Пламя над водой;
Будет наше море
И земля могилой
Тем, кто меч занес
Над солнечной страной!

Напрасно Александр пытался протестовать, уговаривал петь как-нибудь без его фамилии! На сей раз

приказ командира не был выполнен, а просьба не уважена... И это была не единственная сложенная о нем песня...

* * *

Сорок второй год был наиболее тяжелым для катерников-североморцев.

Однажды катер Шабалина возвратился на базу, пришвартовался. На базе ждут командира, а он не подымается с катера. Что за чертовщина?

— Эй, вы, друзья, где ваш командир? Жив?

— Жив! — откликаются с катера.

— В чем дело? Заснул он, что ли?

— Да нет, выбраться не может. Замерз. Рукой не двинет.

С берега опустили веревку и вытащили командира. Его куртка, промокшая от брызг, смерзлась, превратившись в звонкую ледяную кольчугу. Уже в теплом помещении он не мог сразу раздеться, пришлось ждать сначала, пока обмундирование оттает, а потом уже снимать его с себя.

Суровое северное море не баловало хорошим отношением, и катера, побывав в его руках, требовали ремонта. Шабалин, в который раз осматривая свой повидавший виды катер, не раз вспоминал о том, как он совсем недавно сопровождал платформу с катерами в несравненно лучшем состоянии, а их тогда направляли в Кронштадт на капитальный ремонт... Сейчас эти катера могли бы считаться образцами хорошей сохранности...

Но война есть война, и надо воевать тем оружием, которое у тебя есть. И снова командир катера вместе с экипажем «колдует» над своим верным помощником,

делает все, чтобы он мог действовать. А действовать приходилось много, причем часто в предельно сложной обстановке: никогда в мирное время не выпустили бы в море катер в шестибалльный шторм, а сейчас такая погода не являлась помехой.

И не только атаковать корабли противника приходилось нашим катерникам. Бывали задания и другого рода и не менее сложные и ответственные.

...Надо обладать превосходной памятью, чтобы запомнить все бесчисленные заливы, заливчики и фиорды — ведь ими изрезано все побережье близ Печенги. Но Александр Шабалин здесь родился и вырос. Еще совсем молодым бывал он в этих краях, когда на траулере «Краб» ходил за треской, палтусом и зубаткой. Его цепкая память надолго сохранила причудливые очертания берегов, и по каким-то, наверное, ему одному известным признакам он ловко ориентировался в сложном прибрежном лабиринте. Вполне понятно, что именно ему было предложено доставлять в тыл врага наших разведчиков и десантников.

Но он знал эти места в мирное время, а кто мог теперь сказать, есть ли тут минные поля или вражеская засада. А десантников надо высадить так, чтобы ни одна живая душа не знала об их прибытии. От этого зависит не только успех задания, но и сама их жизнь.

Сначала Шабалин со своими катерниками ходил один, без разведчиков, находил пустынное, необитаемое место и, только когда был уверен, что действует наверняка, брал с собой «пассажиров».

Иногда он высаживал их и уходил, оставляя смельчаков на пустынной земле. Иногда часами поджидал, укрывшись у берега и ни единым звуком не выдавая своего присутствия. Много таких рейсов провел он,

много отрядов доставил в тыл врага. И вот что интересно: хотя по несколько часов приходилось Александру быть вместе с разведчиками, редко находилась минута, чтобы перекинуться с ними хотя бы несколькими фразами. Не было времени, да и обстановка была не та. Надо было стоять за штурвалом и, напряженно вглядываясь в темноту, идти по точно намеченному пути.

— Счастливо, ребята, — прощался он с разведчиками.

— И вам счастливо, — отвечали они и бесшумно исчезали в тумане.

И этого разговора было достаточно, чтобы проникнуться друг к другу уважением и симпатией. Шабалин представлял себя на месте этих людей, со всех сторон окруженных врагами, и ему становилось не по себе.

«Здесь и спрятаться-то негде: один мох и голые скалы, — думал он. — Героические ребята, какие нервы надо иметь. В море куда легче!»

Он не знал, что многие разведчики впервые шли на катере в штормовую погоду. И каждый раз, когда катер бросало из стороны в сторону, не один из этих смельчаков мысленно прощался с жизнью. «Куда лучше на суше! Под ногами твердая земля, а это уже все, есть куда от врага спрятаться, — рассуждали они. — А в море воевать — гиблое дело...»

И наверное, никогда не узнал бы Шабалин, что думают о катерниках разведчики, если бы не произошел однажды такой случай.

...На этот раз катер Шабалина и еще один катер доставили на берег разведчиков и, притаившись, ждали их возвращения. Уже наступила ночь, и корабли слились с темными скалами. Разведчики могли в любой момент подойти на резиновых шлюпках к катерам, пос-

ле чего, погрузив людей, надо было немедленно возвращаться. На берегу мигнул огонек фонарика. Еще раз! Потом с перерывом еще дважды! Это их сигнал — значит, все в порядке. Идут. Посадка прошла быстро, и катера тронулись в обратный путь. Шли медленно — нагрузка намного превышала положенную. Все вокруг было спокойно. Но вдруг сигнальщик доложил, что появился противник.

Действительно, немецкий миноносец и тральщик шли на перехват торпедных катеров. Положение сложное. Надо срочно действовать. В этот раз на катере Шабалина была только одна торпеда — значит, надо целиться наверняка!

Торпеда помчалась к тральщику и вдруг... прошла мимо. Такой случай произошел с Шабалиным впервые. Фашисты, не ожидавшие атаки, замешкались. Второй катер с разведчиками успел отойти в море и был уже в безопасности. По-видимому, противник тут же пришел в себя, так как миноносец и тральщик резко сменили курс и ринулись преследовать катер Шабалина. Снаряды начали ложиться совсем рядом. Катер как будто понимал, что от него зависит жизнь экипажа и разведчиков, — он стремительно несся вперед. И вскоре вражеский тральщик остался далеко позади — его снаряды уже не достигали катера. Миноносец некоторое время продолжал обстрел, но потом тоже отстал.

Когда все разведчики были благополучно доставлены на место, старший из них подошел к Шабалину.

— Ну, браток, — смущенно сказал он. — Спасибо тебе. Не думали, что живыми вернемся. На море воевать уметь надо. И нигде не укроешься — кругом вода. Куда труднее, чем у нас, на суше.

Александр только улыбнулся ему в ответ.

ГЛАВА VI

Удивительно живучая штука суеверия. Кто, например, помнит, откуда пошла скверная репутация числа «тринадцать»? Люди стараются не садиться на тринадцатое место в кино или театре или морщатся, оказавшись на тринадцатом месте в вагоне. Александр Шабалин суеверным никогда не был, но не мог не отметить интересные совпадения, происшедшие с катером ТКА-13. Такой удивительной датой стало для этого катера 15 сентября. В этот день в течение нескольких лет подряд обязательно происходили очень важные события.

15 сентября 1941 года катер принял свой первый бой: атаковал транспорт.

15 сентября 1942 года катер ТКА-13, которым командовал Шабалин, принял бой с бомбардировщиками и истребителями противника, получил множество пробоин, но сам уничтожил один самолет.

15 сентября 1943 года катер атаковал конвой совместно с нашей авиацией.

И наконец, забегаая вперед, скажем, что 15 сентября 1944 года немцы уничтожили катер, правда, к этому времени уже на нем Шабалин не ходил.

Но все это выяснилось намного позже. Тогда, во время войны, никто не мог знать о необычности этой даты.

Вечером 14 сентября Шабалин получил задание: вместе с другими торпедными катерами снять разведывательный отряд морской пехоты, заброшенный накануне в тыл врага. Разведчики успешно провели операцию и теперь должны были вернуться на базу.

Уверенно шли североморцы на задание. Море было относительно спокойным, и катера, никем не замеченные, благополучно дошли до назначенного места. Уже

наступила ночь, и в густой темноте были хорошо видны вспыхивающие точки. Это подавали знаки фонарем наши разведчики. Шабалин взглянул на часы — все точно, совпадает и время сигналов и их последовательность: зеленый — красный — белый.

Все правильно — свои. Перекинули трап на берег и стали снимать разведчиков. Группа погрузилась на борт, и катера пошли обратно. Шли медленно — на борту тяжелый груз: неиспользованные торпеды и люди.

Неожиданно над головой раздался надсадный вой мотора. Немцы!

Сделав несколько кругов, самолет снизился, обстрелял катер и ушел. И на сей раз все обошлось благополучно: разведчики были доставлены на базу в целости и сохранности...

Но если разведчики уже могли спокойно отдыхать, то моряки снова ушли в море. Надо опять идти в бухту Пуманки и высаживать туда очередной десант.

И опять идут катера знакомым путем, пробиваются через туман, борются с ветром. Вот и отвесные скалы бухты. Для катерников уже стало своего рода традицией ждать, пока разведчики высадутся на землю, и только тогда катера уходили. Так было и на сей раз. Когда последний из разведчиков скрылся из виду, катера стали заправляться перед выходом в море. Закончены последние приготовления, но неожиданно начавшийся сильный снегопад заставил моряков остаться. Белые барашки волн заполонили тихую бухту, и казалось, что они с тупым упрямством бодают обшивку катеров.

— Ну что же, придется переждать, — решил Шабалин.

Катера поставили на якоря еще ближе к скалам, и матросы стали готовить обед.

— Товарищ командир, — обратился один из моряков к Шабалину, — разрешите попробовать рыбы наловить к обеду.

— Давайте, — кивнул Шабалин, — только побыстрее, а то не знаю, как вы, а я голоден как волк.

— Если клев будет, то мигом.

Матрос забросил удочку и тут же поплавок резко дернулся. Клев был такой, о котором можно было только мечтать. Минут через пятнадцать уже можно было готовить уху. Снегопад окончился. Моряки с нетерпением принюхивались к кипящей в котле ухе, предвкушая вкусный обед, когда вдруг раздался крик вахтенного:

— Самолеты противника!

Черной тучей шли самолеты на советские корабли. Самолетов было много, наверное, больше тридцати.

Шабалину и его товарищам и до этого приходилось попадать под налеты фашистских самолетов. Но под такой обстрел им еще попадать не случалось. Самолеты противника шли слаженным строем, шли спокойно, нагло. Они были уверены: четыре советских торпедных катера попали в мертвую ловушку. Уйти некуда: бушующее море — надежный союзник фашистов, а прибрежные скалы не дадут морякам уйти вдоль берега. Высадка невозможна. Кругом скалы, безлюдье и до врагов намного ближе, чем до своих.

Бомбардировщики не торопились, по-видимому, им хотелось продлить удовольствие — поиграть на нервах русских, а потом уже расправиться с ними. Сначала самолеты направились в сторону моря, затем развернулись и пошли на катера. Но фашисты не учли одного — моряки не теряли времени даром. В бешеном темпе взревели моторы, и, когда самолеты приблизились, катера начали маневрировать. И начался бой, бой не на

жизнь, а на смерть. Катера носились по бухте, как дельфины, увертываясь от бомб. Бомбардировщики пикировали один за другим. Бомбы со свистом и воем ложились совсем рядом с катерами. Кому-то из стервятников повезло: он попал в носовую часть катера ТКА-11.

Шабалин видел, как медленно погрузился в воду нос катера и суденышко беспомощно замерло на месте.

Скрипел зубами от бессильного бешенства, но он ничем не мог помочь товарищам.

«Единственная возможность уцелеть — это беспрестанно маневрировать», — думал он.

Оглушительный взрыв разорвал воздух — видимо, сразу от нескольких бомб. Водяные столбы с трех сторон обрушились на катер. Взрывная волна сбила с ног моряков и повалила их на палубу. Те, кого налет застал на берегу, прижимались к земле и укрывались в расщелинах. Одна из бомб взорвалась совсем рядом с кормой ТКА-13.

— Заклинило рули! — доложили Шабалину.

Кормовой отсек быстро заполняла вода, и катер начал погружаться. Теперь надо сделать все, чтобы ликвидировать повреждение. Моторист Здоровцев и старшина Зайкин, стоя по пояс в воде, кувалдой начали расклинивать рули. Но это было не так-то просто. Это было бесконечно трудно, мучительно трудно. Воздух дрожал от разрыва бомб, волны горячего воздуха то и дело сбивали с ног. А тут, стоя в воде, нужно было забыть обо всем этом аде и стараться попасть тяжелой кувалдой по заклинившимся рулям. И люди работали. Едва держась на ногах, моряки пытались хоть как-то удерживать катер на плаву. Во время боя на катере Шабалина ранило пулеметчика и оторвало ствол пулемета. Пулеметчик Федор Иванов ползком отправился за запасным

стволом и с огромным трудом заменил его. Больше сил у него не было, и на его место встал радист Ярошенко.

Шабалин окинул быстрым взглядом палубу: сросся с пулеметом Ярошенко, подает ему боеприпасы Иванов, его лицо становится все бледнее и бледнее — много потерял крови, помогает мотористам катерный боцман Козлов... Видно, что все будут держаться до последнего...

Но что это? Закутавшись в черный дым-плащ, один из «юнкерсов» загорелся и недалеко за скалами начал падать в воду.

— Ребята! Дорогие! Какие же вы молодцы! — только и мог сказать Шабалин.

Это было чудом. Почти не двигающийся с места, практически беззащитный катер, идеальная цель для бомбежки, не только отказывался умирать. Он еще и сопротивлялся: огрызаясь очередями зенитных пулеметов, подбил вражеский самолет.

Налет кончился так же неожиданно, как и начался. Самолеты, израсходовав бомбы, ушли, правда, теперь уже не в таком четком строю. Сколько времени продолжался этот бой, трудно сказать, наверное, всего несколько минут, но они всем показались часами. Наверное, около сотни авиабомб было сброшено на катера.

Теперь, когда самолеты уже окончательно скрылись, можно было заняться ранеными и осмотреть повреждения.

Три катера были повреждены — у двух из них был погружен в воду нос, а у одного — ТКА-13 — корма.

— Положение не из лучших! — подвел итоги Шабалин.

— Надо срочно сообщить на базу о вражеском налете и попросить, чтобы прислали помощь.

Так и радировали: «Штурмовала авиация противника, три катера выведены из строя, нуждаемся в помощи. Просим для отбуксировки катеров выслать морских охотников».

Пока не пришла помощь, надо было что-то делать самим. Используя приливо-отливное течение, Шабалин с трудом подвел свой катер к берегу. Теперь можно было осмотреть его раны. Шабалин на его обшивке насчитал больше восьмидесяти пробоин.

Трудно представить, как в таком состоянии изрешеченный катер мог держаться на воде, отбиваясь от врага, и даже сбить самолет.

Весь вечер и ночь моряки заделывали пробоины и откачивали воду. Утром пришла помощь, и катера отбуксировали на базу. Без капитального ремонта теперь обойтись было невозможно. Ремонт занял около месяца. В это время моряки отдыхали и лечились. Был свободен и Александр Шабалин.

На войне редко выпадало счастье даже для короткого отдыха. Чаще всего бывало так: человека ранят, он лечится, а потом торопится сбежать из госпиталя на свой корабль. А иногда после госпиталя давали отпуск на несколько дней, из которых, как правило, большая часть драгоценного времени уходила на дорогу. Шабалину, если можно так сказать, повезло. Он сам был здоров, но катер был на ремонте, командование, не задумываясь, разрешило Шабалину поехать в Саратов к семье.

Он часто получал письма от жены, в которых она писала, что сын растет, стал совсем большим: ведь ему скоро уже три года, что живет она совсем неплохо и ему нечего о них беспокоиться, только очень она скучает и ждет его. Он знал, что живут Варя с Геной у тет-

ки, сын в яслях, а жена работает в пригородном колхозе.

Собирали домой Шабалина все на паях. Каждый понимал — дело серьезное: человек едет домой, а своих надо хоть чем-нибудь побаловать. Вот и отдавали они плитки шоколада и печенье из своих пайков. «Бери, друг, они тебе сейчас нужнее!» Шабалин брал шоколад и печенье как должное. Он знал, что товарищи собирают его в дорогу от чистого сердца, и знал он также, что, когда любой из них будет собираться к своим, он так же молча подойдет и внесет свой пай. В результате таких сборов чемодан стал довольно тяжел, и Александр не раз вспоминал друзей, особенно тогда, когда приходилось мыкаться по вокзалам. Но наконец все дорожные невзгоды кончились. Он в Саратове. С быющим сердцем подходил Шабалин к дому — сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выскочит, но и здесь Александр был верен своей привычке сдерживать эмоции, разве побледнел только. Все быстрее и быстрее становились его шаги, наверное, побежал бы, если бы не ноша. Вот и заветная дверь. Он постучал так, как стучал всегда, когда приходил домой. Варя знала этот стук и всегда бежала поскорее открывать мужу. Но нет, на этот раз никто не ответил. Александр толкнул дверь — заперта. Значит, никого нет, придется ждать. Шабалин сел на сразу ставший невыносимо тяжелым чемодан, снял фуражку, вытер мокрый от волнения лоб.

«Надо набираться терпения и ждать», — думал он. А как тянется время и как его мало! Ужасно обидно, когда оно вот так идет попусту. Он умел ждать, но теперь, в самом конце длинного пути, ожидание становилось невыносимым. Он вставал, садился, снова вставал, снова садился.

Но тут, наконец, ждущего офицера заметили соседи, и дело пошло на лад. Через пять минут одна соседка помчалась за мальчиком, а другая, что помоложе, побежала на поле за Варей.

Генку привели раньше. Плотный, коренастый мальчонка с интересом, но без всякой радости пристально смотрел на незнакомого мужчину в морской форме.

— Гена, сынок, — Александр сам не узнал свой голос, такой он был тихий и хриплый, — подойди же ко мне!

Малыш упирался и крепко держался за руку соседки.

— Иди, Геночка, иди, детка. Это твой папа, — приговаривала женщина, легонько подталкивая мальчугана. Но тот упрямо не двигался с места.

Шабалин почувствовал, как к горлу подымается предательский комок. Волна нежности к этому бесконечно родному мальчугану захлестывала его.

— Саша, родной! — Шабалин едва успел подхватить буквально упавшую на землю жену. Она не сказала больше ни слова, только крепко обняла его и гладила по рукаву шинели.

— Бегом бежала всю дорогу, — объяснила запыхавшаяся соседка. — А путь не маленький.

Когда Шабалин ехал в поезде, он много раз представлял себе встречу с женой и сыном, а получилось все совсем не так, но все равно замечательно. Потом они вошли в дом, и почему-то Александр снова сел на свой чемодан, а Варя пристроилась с ним рядом. Генка, вытаращив глаза, с недоумением смотрел на мать, которая вела себя как-то странно: то смеялась, то плакала и целовала незнакомого моряка. Наконец и он решил присоединиться — уверенно подошел и сел между ними.

Александр Осипович взял на руки сына — такое непривычное ощущение, — прижался губами к выпуклому лобу под челочкой. Мальчик улыбнулся и обнял его за шею.

— Наконец-то признал! — рассмеялся Шабалин. — Теперь все в порядке.

Потом пришли тетка, соседи. До позднего вечера хлопала входная дверь. Многим хотелось поговорить с человеком, прибывшим с фронта. И не один раз Александру Осиповичу пришлось отвечать на наивный, но такой важный для спрашивающей вопрос: «А не встречали ли вы случайно моего?» Дальше шли имя и фамилия. Очень бы хотелось Шабалину ответить утвердительно, обрадовать, но приходилось только разводить руками.

— Ведь я же моряк, — говорил он, — с другими родами войск редко встречаюсь. — И это как-то успокаивало спрашивающих. Конечно, где может встретиться моряк, например, с танкистом. А то, что долго нет известий, это ничего не значит: почта задерживается.

— Мы от вас тоже вот как ждем писем, а получаем через сколько времени, — солидно говорил Шабалин, и ему верили. Конечно, почта задерживается — появлялась новая надежда, потому что нет ничего страшнее, как перестать верить. Наконец все разошлись. Давно уже спал вымазанный шоколадом Генка, спала Варина тетка, а Варя с Александром все говорили и говорили, перебивая друг друга...

Две недели в Саратове пролетели, как один день, потом Шабалин оформил для семьи пропуск в Онегу и увез своих в родные края на Север. Отпуск кончился, и Шабалин снова вернулся на фронт.

ГЛАВА VII

Перед нами выписка из официального, лишенного каких бы то ни было эмоций, документа. Выписка из наградного листа капитан-лейтенанта Шабалина.

«Осенью 1942 года и зимой 1943 года при трудных условиях плавания двадцать раз обеспечивал катерам-охотникам постановку активных минных заграждений на коммуникациях и подходах к базам противника при насыщении данных районов кораблями дозора и берегов огневыми точками противника».

Всем известно, что об одном и том же факте можно рассказывать по-разному. Все зависит от обстоятельств и характера очевидца, его профессии, пола и возраста. Конечно, сама основа факта у всех будет одинакова, но детали, из которых создается общая картина, будут различны. Вот тут-то и скажется индивидуальность рассказчика, свойственные только ему черты. Даже самые, на первый взгляд, устойчивые понятия изменяются в зависимости от обстановки. Возьмем для примера обыкновенный пейзаж, который так характерен для нашей страны: широкий луг на берегу реки, с одной стороны окаймленный лесом, а с другой — переходящий в мягкие линии холмов. Недалеко раскинулась деревня с аккуратными домиками, с садами, с каким-нибудь возвышающимся над всеми постройками зданием — колокольней церкви, школой, силосной башней... Обычный, мирный, а главное, привычный пейзаж. А теперь взглянем на него иначе, глазами войны — колокольня или школа станут наблюдательным пунктом или огневой точкой, луг превратится в хорошо обстреливаемую зону, холмы — в высоту, а река — в водный рубеж. И будут потом слагать песни о бое «у незнакомого поселка на

безымянной высоте», за которую отдают жизнь неизвестные, но настоящие герои. А для моряка или летчика все, что они видят на земле, — это всегда ориентиры, по которым проверяются или уточняются курс самолета или пеленг корабля. Во время войны люди утрачивают возможность воспринимать пейзаж как создание рук мастера-природы. К нему невольно относятся утилитарно, часто как к чему-то вспомогательному, как к месту действия.

Еще до войны бывал Александр Шабалин в этих местах, ходил он тогда на тральщике и не один раз пришвартовывался к изрезанным берегам. Тогда его поражала безудержная фантазия матушки природы, создавшей неповторимые узоры из мысов, заливов, перешейков и островов. Щедрой рукой рассыпала она на дно моря гигантские камни, многие из них скрыты под водой, и только небольшая их часть возвышается над поверхностью. Надо очень хорошо знать эти места и быть по-настоящему опытным моряком, чтобы рисковать заходить в эти незаметные для глаз бухты-ловушки, из которых можно выбраться, только зная их секреты.

Вот эти-то места и называются шхерами. Географ объяснил бы их происхождение научно — результатом работы древних ледников. В незапамятные времена ледники проползли по этой земле, таща вместе с собою камни и целые скалы. Постепенно ледники со всем грузом передвинулись дальше на юг, а следы от их тяжелых шагов навечно остались на изуродованной земле.

Поэт, наверное, сравнивал бы шхеры с кружевами, окаймляющими спущенный до воды рваный подол берега. А для моряков, которым там приходилось ставить мины, шхеры были лабиринтом, из которого выбраться мог далеко не каждый.

Шабалин смотрел на знакомые берега и не узнавал их. Вернее, он воспринимал их совершенно иначе: его уже не трогала красота и своеобразие пейзажа, он наметанным глазом прикидывал, где лучше пройти морским охотникам, чтобы расставить там мины на фарватерах.

Обычно катера отправлялись в шхеры ночью, а возвращались засветло, чтобы потом провести по уже знакомому пути порученные им суда. Но фашисты тоже не бездействовали: они старались использовать шхеры как укрытие. Но так продолжалось недолго: воздушная разведка все чаще и чаще доносила о прячущемся среди островков и перешейков противнике, и теперь даже в шхерах фашистские корабли поджидали мины. Так было и в районе Петсамо. Советские морские охотники минировали подступы к заливу в этом районе, а ставить мины в шхерах иногда приходилось и торпедным катерам. Ведь они маленькие и ловкие и могли проникать туда, куда не мог пробраться корабль побольше.

Ставить мины — дело опасное, особенно, если их приходилось ставить в темноте и притом не имея точных карт.

Продвигались катера, что говорится, на ощупь, увертываясь от острых зубов подводных камней, да еще, кроме этого, приходилось думать о том, чтобы не выдать своего присутствия противнику белым пенным следом.

Далеко не всегда удавалось выполнить задание и уйти незамеченным. Противник старался использовать все имеющиеся у него средства — и суда и береговые батареи, чтобы уничтожить наши корабли. Умело сброшенные дымовые шашки надежно закрывали плотной пеленой морских охотников. Напрасно фашистские береговые батареи били по дыму, расстилающемуся над во-

дой, когда дым рассеивался, наши уже были вне зоны досягаемости.

Не одно судно противника нашло свою гибель на минных полях. Правда, об этом катерники узнавали не сразу, да и то из штабных сводок.

Два десятка таких выходов к противнику сделал капитан-лейтенант Шабалин на своем катере, те два десятка, о которых упомянули в его наградном листе. Среди них были и такие, что заслуживают особого разговора. Расскажем хотя бы об одном.

Была весна 1943 года. Середина апреля, когда природа уже утверждает свой весенний график и полярный день вступает на круглосуточную вахту.

Только что было получено сообщение о вражеском конвое. Командир отряда капитан-лейтенант Лозовский взглянул на часы — двадцать два часа тридцать минут.

— В двадцать три выходим, — коротко сказал он.

Моряки поспешно доедали вкусную солянку из капусты с колбасой. Такой нестандартный ужин бывал не так уж часто.

Через полчаса два катера, ТКА-13 старшего лейтенанта Шабалина и ТКА-14 лейтенанта Колотия, вышли в море. Пятибалльный ветер подымал высокие волны, и вода с силой хлестала по палубе, окатывала холодным душем, просачивалась под реглан.

Такая обстановка не очень-то располагала к отдыху, но Василий Михайлович Лозовский удобно расположился на моторе катера Колотия и даже забылся чутким сном человека, привыкшего использовать каждую спокойную минуту для отдыха. Пока все нормально и его вмешательства не требовалось. Командиры катеров люди опытные, сами дойдут до места назначения. Всюду тихо — береговые батареи предупреждены, что выходит

на задание наша группа, а фашистов здесь нет, они только еще мечтают побывать на этих берегах.

Катер сильно встряхнуло, как будто с разбегу он налетел на препятствие. Лозовский вскочил на ноги. Нет, все в порядке, очередная атака волн, а не налет авиации противника.

А для Василия Лозовского самый первый враг, которого он увидел, был немецкий летчик, притом не какой-нибудь рядовой, а блестящий ас, мастер своего дела. Эта встреча была неожиданной для них обоих, и произошла она без особого желания с обеих сторон.

О Василии Михайловиче Лозовском на Северном флоте ходила заслуженная добрая слава. Его морской охотник доставлял фашистам много горьких минут, и не одно проклятье тонущих врагов адресовалось этому высокому жизнерадостному громкоголосому человеку. Так повелось с самого начала войны, а первых вестников войны Лозовский увидел почти на двое суток раньше, чем другие.

...20 июня 1941 года экипаж морского охотника, которым командовал Лозовский, проходил учение в Оленьей губе. Моряки отдыхали, когда боцман доложил:

— Появился самолет. Опознавательных знаков нет.

— Готовность номер один! — скомандовал Лозовский и вышел на палубу.

Действительно, над морем летел самолет, летел очень спокойно, уверенно, в кабине можно было разглядеть голову летчика. Вот он переменял курс, зашел за сопки и скрылся.

Лозовский подождал немного, но никаких распоряжений от начальства не последовало, самолет больше так и не вернулся.

Через два дня в это же время уже шли первые

часы войны. Уже прозвучало по радио сообщение, перевернувшее миллионы человеческих судеб: «Сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек».

С привычного мирного неба падали бомбы, уже лились кровь и слезы, и все это было только начало. Вскоре фашисты обрушили свой удар на Мурманск. Вот тут-то и вспомнил Василий Михайлович Лозовский странный самолет без опознавательных знаков.

Прошел месяц. Морской охотник лейтенанта Лозовского стоял в дозоре. Все было тихо, враг не подавал никаких признаков жизни. Вдруг вдаль на горизонте появилась быстро движущаяся черная точка. Она увеличивалась в размере и вскоре превратилась в идущий на бреющем полете самолет. Самолет шел совсем низко над морем, и теперь уже можно было разглядеть черные кресты на его крыльях.

— Фашист!

По самолету открыли огонь, но он ушел за сопку и скрылся из виду. Вскоре раздался взрыв. А через три дня к морскому охотнику подошла лодка с рыбаками, они срочно требовали командира. Лозовский вышел к рыбакам. Двое молодых парней, перебивая друг друга, сообщили, что прибыли за командиром и он должен отправиться с ними в рыболовецкую факторию.

— Мы немца поймали, — объяснил один. — Летчика. Он пока спит, а мы сюда за вами.

В маленьком домике фактории на сваленных в угол

сетях лежал заросший светлой щетиной мужчина и крепко спал.

— Откуда это он взялся, красавчик? — спросил Лозовский.

— Вчера это было, — начал разговор старый рыбак. — Вытащили мы сети, разобрали рыбу и сели обедать. Уже почти всю уху съели, вдруг видим, мимо окна кто-то пробежал. Не успели толком сообразить, что к чему, дверь отворилась, и ввалился вот он, — старик кивнул в сторону спящего. — Грязный, оборванный, в одной руке пистолет, а другой штаны держит, чтобы не падали. Хлопнул пистолет на стол, бросил бумаги какие-то, а сам за ложку схватился — и давай уху хлебать. Не ест, а прямо жрет с костями, как только не подавился. А потом завалился на сети и с тех пор так и спит. Вот все его бумаги.

Лозовский взял довольно большой конверт. В нем лежали документы на имя капитана Лаевского и шесть одинаковых фотографий, где был изображен сам Лаевский в парадной форме. На карточках он выглядел весьма эффектно — даже не верилось, что грязный оборванец, храпящий в углу, и элегантный офицер на фотографии — один и тот же человек.

С трудом разбудили спящего, он сразу признал в Лозовском командира и начал что-то быстро ему говорить. К сожалению, никто из присутствующих не знал немецкий язык настолько, чтобы свободно понимать взволнованную речь капитана. Но все же удалось выяснить, что три дня назад самолет Лаевского сбила, как он говорил, береговая батарея при входе в Кольский залив. Самолет почти дотянул до берега, загорелся и упал в море. Летчик почти три дня шел через сопки и по воде, пока наконец добрался до рыбаков. Он так

замерз и изголодался, что, увидев людей, решил им сдаться. Вот и вся его история.

Лозовскому было ясно, что перед ним летчик со сбитого морским охотником самолета, — никакой береговой батареи в том месте, где указывал немец, не было. Моряки распрощались с рыбаками и, взяв с собой пленного, отправили его в Полярный. Здесь после допроса выяснилось, что Лаевский не простой летчик, а летчик-ас. Над советской территорией он уже летал накануне войны 20 июня 1941 года. Ему было поручено пролететь вдоль берега и вызвать огонь на себя, чтобы определить расположение наших огневых точек.

— Значит, это его самолет без опознавательных знаков тогда летал над нами, — не выдержал капитан-лейтенант. — Вот уж правда, верна пословица: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком свидится».

Пришлось Лозовскому рассказать о том случае в Оленьей губе и о скрывшемся за сопками самолете.

Немецкому летчику перевели рассказ, и он подтвердил, что именно он был тогда в том районе. Видел он тогда и морского охотника и мог его свободно разбомбить.

— Жаль, что не было такого приказа, — криво ухмыльнулся он, — не находился бы я сейчас здесь, и мой самолет не лежал бы в море. Скорее всего ваш охотник занял бы его место на дне.

Больше немец не сказал ни слова и категорически отказался отвечать на все вопросы. Старый знакомый Лозовского оказался человеком с плохим характером.

Потом не раз вспоминал Василий Михайлович «своего летчика». Не каждый день моряк летчика в плен берет. А через несколько месяцев в «Правде» прочитал лейтенант письмо-обращение пленных немецких солдат

и офицеров к своим товарищам, в котором призывали они как можно скорее прекратить войну. Среди многочисленных подписей была и подпись упрямого капитана...

Катер снова тряхнуло. Видно, погода начала портиться.

— Пожалуй, это даже хорошо, — сказал Лозовский. — Лучше будет атаковать врага.

Но напрасно моряки всматривались в начинавшую густеть темноту — море было пустынно.

— Возвращаемся на базу, — скомандовал капитан-лейтенант.

Обидно возвращаться вот так, с неиспользованными торпедами. Но что делать, если враг в этот раз решил не выходить в море...

На берегу к Лозовскому подошел командир ТКА-13 Шабалин.

— Разрешите выйти еще раз и подождать фрицев у входа в залив Петсамо, — попросил старший лейтенант. — Есть там хорошее для засады место.

— Правильная мысль, — одобрил капитан-лейтенант. — Сейчас согласуем.

Через некоторое время разрешение было получено, и катера ТКА-13 и ТКА-14 снова вышли в беспокойное море. Скоро они были у полуострова Рыбачьего, где легли в дрейф и стали ждать.

Все тихо кругом, а такая тишина иной раз страшнее грома. Нельзя точно сказать, что труднее — грохот боя или настороженное ожидание, когда нервы напряжены до предела. Так и сейчас: все замерло на катерах, и кажется, что вообще нет никого живого на много миль вокруг и что эта тишина может разрядиться только взрывом...

Коротки весенние ночи, но когда ждешь, то время тянется в два раза дольше. Так было и сейчас. То и дело поглядывали моряки на часы — наверное, стрелки стоят на месте. Не может все-таки так долго продолжаться ночь. Наконец, рассвет. Видимо, не одни североморцы ждали, когда станет светать. В заливе появились два немецких морских охотника, они споро и деловито поставили дымовую завесу и бесшумно скрылись. Все ясно — скоро пойдет конвой. Теперь все внимание североморцев приковано к дымной пелене. Что-то скрывается за ней?

«Интересно получается, — подумал Шабалин, — мы для них невидимки и они для нас тоже. Прямо как в кино — бой кораблей-невидимок».

И вот наконец среди дымной пелены едва обозначились силуэты кораблей.

— Атакуем? — спросил Колотий.

— Подожди, друг, — успокаивал его Шабалин, — не надо спешить. Подойдем поближе, посмотрим, что там за птицы. Если только мелочь, то торпеды зря тратить не стоит, а из пулеметов пощекотать их можно.

Катера стремительно рванулись вперед, поближе к противнику.

Через несколько минут все стало ясно: шесть катеров охраняли два крупных транспорта. Тяжелые корабли шли по заливу медленно — видимо, их нагроулили до предела. Это фашисты вывозили из Петсамо никелевую руду, необходимую для их военной промышленности.

— Атакуем? — повторил Колотий.

— И немедленно!

Совсем близко подошли наши катера, когда немцы открыли по ним стрельбу. Силы были явно неравны, а

тут еще подключилась немецкая береговая батарея. И началось что-то невероятное: своего рода «игра в салочки». Только тут вместо невинного удара рукой «осаленный» получит в борт торпеду или будет расстрелян на месте. А расстрелять катер совсем не трудно — у него ведь нет брони и через тонкую обшивку пули проходят без труда. Во время торпедной атаки самое главное — это зайти к кораблю противника с борта и только тогда всадить в него торпеду. Обычно транспорт атакует несколько катеров — одни отвлекают внимание на себя, а другие торпедируют основную цель.

И вот бой начался. Немцы взяли наших моряков в кольцо. Кольцо постепенно сужалось. Тут уже было трудно разобраться, кто свой и кто чужой. В пылу боя немцы иногда стреляли по своим возникающим из дыма катерам, и те тоже отвечали огнем. Если кто-нибудь мог бы наблюдать за боем со стороны, то он увидел бы необыкновенное зрелище: среди дыма, то появляясь, то исчезая, носились катера, гонялись друг за другом по огненному кольцу, стреляя куда попало.

— Принимаю бой, атакуй транспорт. А потом уходи! — радировал Шабалин Колотию.

Тот только и ждал этой команды. На бешеной скорости катер ТКА-14 вырвался из смертельного кольца и полным ходом пошел в глубь залива, туда, где в кильватер друг другу шли тяжелые транспорты. Теперь всю тяжесть боя Шабалину пришлось взять из себя.

— Ничего, выдержим, ребята! — подбадривал он своих товарищей.

От бесконечных осколков от рубки и палубы во все стороны летели щепки. К стволам пулеметов нельзя было притронуться, так они раскалились. С берега

раздались артиллерийские залпы — это береговая батарея обнаружила катер Колотия и била по нему. Судя по усиливающейся стрельбе, ТКА-14 ловко уходил от обстрела.

— Скорей бы Дмитрий действовал, — считал секунды Шабалин. — Скорей бы!

Наконец-то раздался взрыв.

Столб черного дыма поднялся к небу, транспорт водоизмещением в четыре тысячи тонн переломился на две части и пошел на дно...

— Молодец, Дмитрий, попал! — обрадовался Шабалин, — теперь можно уходить.

Буквально расталкивая вражеские катера, чуть не задевая за их борта, Шабалин вырвался из окружения и пошел в глубь залива. Дымовая завеса надежно прикрыла североморцев, и ни один из немецких катеров даже не попытался их преследовать. Фашистам было не до этого. Гибель транспорта ошеломила гитлеровцев на мгновение, и они замерли в оцепенении. Это дало Шабалину несколько драгоценных секунд, и он успел оторваться от противника. Когда фашисты опомнились и начали преследование, ТКА-13 шел на большой скорости ко второму вражескому транспорту.

Все меньше и меньше становится расстояние между катером Шабалина и целью, но все ближе и ближе подходит к отважным североморцам стая вражеских кораблей. Как акулы, почуявшие кровь, собираются вокруг еще живого кита, так со всех сторон стремились к советскому катеру фашистские катера.

Орудия немецкого транспорта молчали: не то артиллеристы боялись попасть по своим, не то думали, что катер свой.

— Товсь! Огонь! — скомандовал Шабалин.

Торпеды четко пошли к намеченной цели и обе попали в борт транспорта.

Огненная вспышка, столб черного дыма, замершая над морем корма корабля, а потом как будто захлебнувшийся холодной водой транспорт быстро погрузился в море.

«Шесть катеров против одного, пожалуй, многовато, — пронеслось в голове Шабалина. — Ну что же, выбора нет, все равно надо пытаться уйти».

Теперь, когда катер сбросил торпеды, его скорость увеличилась, а для катера скорость, как известно, — его главная защита. Вдруг два немецких катера резко повернули и пошли к месту гибели транспортов.

«Наверное, идут спасать тонущих, — подумал Александр. — Тем лучше». Он повернул штурвал и, лавируя, понесся в глубь залива к берегу, туда, откуда вела огонь дальнобойная береговая артиллерия противника.

Гитлеровцы не стали его преследовать — им было абсолютно ясно, что советский катер добьют их артиллеристы, а кидаться под такой огонь рискованно, еще чего доброго, сам попадешь под свои снаряды.

Пришлось Шабалину поманеврировать, пока он вел катер к берегу. Артиллеристы старались на совесть, и несколько пробоин в носовой части катера потом на базе все же пришлось латать. Но видно, справедливо гласит поговорка: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет», — из всех пуль и снарядов, обрушенных на ТКА-13, ни один не нанес ему серьезного повреждения. И катер благополучно дошел до «мертвой зоны», где он уже был в безопасности.

Так закончился этот продолжавшийся всего тридцать минут неравный бой со счетом 2 : 0 в пользу северомор-

цев. Радостные, возвращались моряки домой, на базу. А там их уже ждали товарищи, готовились к встрече. По неписаному, но неуклонно выполняемому закону тому экипажу, который потопил вражеский корабль, готовили жареного поросенка. Это уже стало традицией, и пришлось хозяйственникам специально держать на базе свиней. Что поделаешь, раз моряки требуют, чтобы встречи проходили в духе традиций. Пока шабалинцы возвращались, на берег успели сообщить и о втором потопленном транспорте. Правда, тут получилась небольшая неувязка — не нашлось второго поросенка, и пришлось по-братски разделить одного между двумя экипажами.

— Черт те знает что, — ворчал начпрод, нарочито хмурия брови. — Вошли во вкус, что ни день — готовь поросенка. А где я вам их столько напасу? У меня ведь не свиноферма. — Но тут он не выдерживал и расплывался в широчайшей улыбке. — Давай, кок, забирай поросенка!

Сидя за торжественным ужином, моряки смеялись:

— Транспорты поделили на двоих, да и свинью тоже. А что, если бы еще какие-нибудь катера с вами были, так и делили бы на всех кабанчика?

— Вот потому-то мы и помощи не просили, — отшучивались именинники, — а то бы пришлось голодными остаться.

ГЛАВА VIII

Апрельский бой особенно памятен Шабалину. На другой день всером было партийное собрание, на котором Александра Осиповича Шабалина единогласно

приняли в партию. Запомнили этот ночной бой и другие моряки как пример обдуманного риска и настоящей боевой смекалки.

Был еще один случай, когда снова встретились за праздничным столом экипажи катеров ТКА-13 и ТКА-14. Только в этот раз на базу первым пришел катер Шабалина, и он волновался за товарищей. А было это так.

Командование получило донесение, что вдоль побережья идет немецкий конвой. Судя по данным, фашисты шли на свои базы, расположенные между Киркенесом и Лиинахамари (Печенгой). ТКА-13 и ТКА-14 было приказано выйти в море и уничтожить суда противника.

Оба катера немедленно вышли на поиски фашистского конвоя и довольно скоро обнаружили его в районе острова Лилле-Эккерей. Три сторожевика сопровождали танкер и транспорт. Юркие сторожевики так и вились вокруг массивных кораблей, защищая их со всех сторон. Катера североморцев шли не маскируясь, все больше и больше набирая скорость.

— Танкер я беру на себя. Атакуй транспорт! — сказал Шабалин Колотию.

— Есть! — ответил тот.

— Кто идет? — поступил сигнал с ближайшего сторожевика.

Этот же вопрос повторили и другие корабли.

— Боцман, отвечай этими же сигналами, — приказал Шабалин.

Путая знаки запроса, боцман обстоятельно отвечал немцам, а тем временем катера шли на сближение. По катеру Шабалина вдруг ударил широкий луч прожектора. Это танкер давал о себе знать. Меткая пуле-

метная очередь с катера хлестнула по зловещему огню, и сразу стало темно. Шабалин даже закрыл глаза рукой — так резок был переход от ослепительного света к густой, казалось какой-то липкой, темноте. Но яркие вспышки орудий точно показали, где находится едва заметный в темноте танкер.

«Два часа пятьдесят девять минут», — засек время Шабалин.

Расстояние между ТКА-13 и танкером противника уменьшалось.

Пора!

Две торпеды одновременно прочертили белые полосы по темной воде, которые как бы соединили маленький катер и огромную махину — танкер. Ведя огонь из пулеметов по сторожевым катерам противника, шабалинцы начали отходить. Водяные столбы от падавших снарядов со всех сторон окружали торпедный катер.

Танкер, наполненный горючим, взорвался, и море вокруг покрылось пылающей нефтью. Корабли шли по огненным волнам. И когда сам танкер уже ушел на дно, еще долго пылало море, освещая все вокруг зловещим светом.

«С танкером покончено, — думал Александр Осипович, — но где же сейчас Колотий?»

За дымовой завесой ничего нельзя было разглядеть, только раздавалась беспорядочная стрельба.

«Наверное, Дмитрий там», — Шабалин повел свой катер в темноту, зайдя за дымовую завесу. В этот момент на фоне горящего моря с другой стороны завесы появился катер Колотия. Его преследовали два немецких сторожевика. Торпеды Колотия точно нашли свою жертву, и немецкий транспорт взорвался.

— Молодец, Дима! — одобрил Шабалин. — Пора и обратно.

Но минуты шли, а ТКА-14 куда-то исчез.

«Неужели Колотий со своими ребятами погиб?» — тревожная мысль сжала сердце.

— Колотий, где ты? Отзовись! — эту фразу Шабалин уже много раз повторял по радио. — Отзовись, слышишь?!

Но ответа не было.

— Сбавить ход, — скомандовал Шабалин.

Катер стал уходить с приглушенными моторами. Вдали раздавались оружейные выстрелы, к кораблям охранения подключились береговые батареи — открыли ураганный огонь. Почти полчаса ждал Шабалин товарища, но катер Колотия так и не появился...

На полной скорости ТКА-13 понесся к базе. опережая моряков, на берег пришло сообщение.

«Задание выполнено, уничтожены один танкер с горючим и один транспорт. Судьба Колотия неизвестна».

Но вскоре после возвращения шабалинцев на базу пришел и катер ТКА-14. Выяснилось, что слышал Колотий товарища, но не мог ему ответить, чтобы не обнаружить свой беспомощный катер. Оказалось, что после того как они взорвали транспорт, на катере вышли из строя сразу два мотора. Что делать? Положение отчаянное — кругом враги, всю дымовую завесу прошивают пулеметными очередями. А катер болтается на волнах — и ни с места. Пришлось спрятаться в дыму и притаиться, пока не устранили повреждение. И повреждение-то ерундовое — бензин перестал поступать в моторы. Как только исправили неполадку, выжал Колотий из своего катера всю возможную скорость, старался догнать своих, но не успел.

И теперь снова сидели товарищи за торжественным столом и пили за победу, за успех и, кроме того, за дружбу, которая на войне проверяется кровью.

* * *

В этот день все началось как обычно. Шабалина вызвали в штаб.

— В море обнаружено судно противника. Судя по предварительным сведениям, оно повреждено. Надо разобраться и действовать согласно обстановке.

И вот звено катеров, которое ведет Шабалин, выходит по заданному курсу.

«Данных не так-то много, — размышляет Александр. — Известно только, что два немецких истребителя «фокке-вульф-190» обстреляли судно и ушли, оставив его в полузатопленном состоянии. Ну что же, придем на место, а там посмотрим».

Тринадцать часов. Солнце в зените. Надо идти аккуратно, чтобы не увидел противник. ТКА-13 бесшумно крадется вдоль берега, чтобы остаться незамеченным. Идет малым ходом к мысу Немецкому. Море сегодня на редкость спокойное, ласковое.

Надсадный гул моторов разорвал тишину. Два бомбардировщика пронеслись совсем низко над катером. Еще секунда, и бомбы обрушатся на катер. Все замерли в напряжении...

Но что это? Самолеты пошли в пике и сбросили груз на судно, с трудом державшееся на воде.

— Чего это они своих-то бьют? — удивленно спросил кто-то.

Шабалин только пожал плечами. Действительно, трудно объяснить смысл этой своеобразной операции.

Сбросив бомбы, самолеты скрылись. ТКА-13 подошел поближе к судну. Это был большой немецкий бот. Судя по всему, у него был поврежден мотор, а в изрешеченную осколками обшивку со всех сторон хлестала вода.

Шабалинцы подошли еще ближе.

— Что за черт! Нигде не видно ни души!

Вдруг из люка выскочил человек, размахивая белой рубашкой, за ним, раздеваясь на ходу, еще один. Без переводчика ясно: люди сдаются.

— Дай очередь над их головами, — приказал Шабалин. — Пусть лягут.

Пленные плашмя бросились на палубу и замерли. ТКА-13 пришвартовался к боту. Пленные, норвежец и немец, ни слова не говорили по-русски. Один из них жестами показывал вниз. По-видимому, там кто-то прятался.

— Сдавайтесь! — крикнул Шабалин, и пулеметная очередь подкрепила его предложение. В ответ раздалось невнятное бормотание, и появился последний пленный — тоже немец. Все это время он благоразумно отсиживался внизу.

Катерники внимательно осмотрели бот. Почти весь трюм был забит тяжелыми деревянными ящиками. Один из ящиков разбили — в нем оказались различные приборы, разбили второй — то же самое. Видимо, эти приборы переправляли на боте с никелевых разработок в глубокий тыл. Дальнейший осмотр не дал ничего нового. Было ясно, что бот совершенно потерял свой ход, а маленький торпедный катер не сможет его буксировать.

— Пусть пленные переходят на катер, — скомандовал Шабалин.

Пленные, подняв вверх руки, выполнили приказание

и сели в углу. Около них устроился моторист с автоматом. Подрывные патроны сделали свое дело, и бот погрузился в море. Только обломки и жирные круги на воде указывали, где был бот.

Обратно шли полным ходом — хотелось поскорее сдать пленных и отдохнуть. В этот день шабалинцам везло до конца: дошли до базы безо всяких приключений, а вечером был большой концерт московских артистов. Почти все исполнялось на «бис», а «Землянку», любимую песню Александра, артист исполнил трижды...

На другой день Шабалин узнал, что доставленные им «языки» были очень красноречивы. Они рассказывали все, что знали, а знали они немало. Норвежец прекрасно знал фарватеры в фиордах, знал, где расположены немецкие минные заграждения. Но особенно старались уцелевшие немцы. Они были оскорблены в лучших чувствах, свои чуть не отправили их на тот свет.

Из их рассказов выяснилось, что на боте переправляли приборы для пикирования самолетов. В тумане они заблудились. Капитан стал уточнять обстановку и попросил помощи. Через некоторое время появился немецкий самолет — они узнали его по опознавательным знакам на крыльях и фюзеляже. Самолет пролетел над ними один раз, потом второй. И вдруг... пошел на снижение, и бомбы с воем посыпались на бот. По-видимому, летчик принял их бот за советское судно и всячески старался его уничтожить. Только кончившийся запас бомб помешал ему довести дело до конца. Команда растерялась: в самом начале боя погиб капитан, потом вышел из строя мотор, и бот остался совершенно беспомощным. Что делать? Положение тяжелое. Никто не хотел, а может быть, и не мог взять на себя ответственность. Пока выясняли свои возможности, вновь появи-

лись самолеты. Увидев знакомые черные кресты, команда бота начала махать руками и всячески привлекать внимание летчиков. Не заметить их знаки было невозможно. Но все было напрасно. По-видимому, было дано задание потопить бот с грузом и людьми, лишь бы он не достался русским. Самолеты пошли на снижение, сбросили бомбы, а дальше все известно русским.

— Они же знали, что мы свои. Они не могли этого не знать, — твердил пленный немец. — И все равно бомбили. Они хотели потопить нас. Разве так можно? — Он, видимо, искал сочувствия в слушателях, потому что повторял эту фразу каждому, кто к нему подходил.

Увидев Шабалина, он тоже произнес ее, правда с некоторыми добавлениями:

— Вы ведь наши враги, а взяли нас с собой и не взорвали вместе с ботом, а те свои и хотели потопить нас... Разве так можно?

Никто не ответил ему на этот вопрос.

ГЛАВА IX

Если взять несколько вышедших в один и тот же день газет и внимательно их прочитать, мы наверняка найдем заметки о досрочно выполненном ткачами плане, о новой домне, об успехах геологов, о новом открытии ученых. Редко когда эти факты мы воспринимаем, как нечто необычное — это наша повседневная жизнь. Но если нам попадется на глаза сообщение о людях, ликвидировавших пожар, о моряках, пришедших во время шторма на выручку к гибнущему судну или о человеке, спасшем с риском для своей жизни ребенка из-под колес машины, то мы невольно отдаем

должное храбрости и мужеству. И редко кто задумывается о том, что в первых, «обычных», сообщениях рассказывается тоже о подвиге. Эти сообщения из газет мирных дней, а в газетах военных лет обычными, повседневными казались сообщения и заметки, где рассказывалось о фронтовых буднях. О том, как наши летчики уничтожили еще один самолет противника, о том, что освобожден еще один населенный пункт, или о том, что наши моряки потопили еще один вражеский корабль. А если вчитаться как следует в эти написанные сухим языком строки, то становится ясным, сколько мужества и подлинного героизма скрывается за ними.

У североморцев-катерников тоже шли свои монотонные будни. Выходили катера на свободную охоту или сопровождали наши суда, идущие в районы полуострова Рыбачьего, или высаживали десанты, или спасали наших летчиков, выбросившихся с парашютом в море, — все это считалось повседневным, обычным делом.

Александр Осиповичу Шабалину со своим катером тоже не раз приходилось выходить в море по таким будничным делам. О них редко писали в газетах, и узнать о них можно было только из рассказов свидетелей, а также из бесстрастных лаконичных записей в вахтенных журналах.

Попробуем расшифровать хотя бы одну такую запись.

Июнь 1943 года. Только что окончился бой. О том, что схватка была серьезной, говорили многочисленные обломки, плавающие на воде. Воздушная разведка доложила: потоплен немецкий транспорт. Во время боя с конвоем противника и с двумя «фокке-вульфами» сбит наш истребитель. На место боя для спасения летчика вышел катер Шабалина. Ему уже приходилось искать и

спасать наших летчиков, выбросившихся с парашютом из подбитого самолета.

Можно подумать, что это очень просто — найти и поднять на борт пострадавшего. А если неизвестно, где он «приземлился», если нет никаких точных координат, только приблизительно квадрат, где происходила схватка, и в довершение всего надо идти на выручку, когда уже совсем темно? И в этот раз пришлось идти в сумерки. Шабалин, как обычно, стоит за штурвалом, не отрывая глаз от темной поверхности моря. Хорошо еще, что погода пока не подводит — ничто не мешает катеру со всей скоростью лететь по невысоким гребням. А торопиться надо — Северное море не любит шутить, в нем не поплаваешь, отдыхая и нежась на ласковых волнах, как на Черном море. Вода здесь ледяная, она сковывает движения и сводит судорогами руки и ноги, холодными щупальцами хватает за горло... Очень трудно выйти живым из ее цепких объятий здоровому и сильному человеку. А если человек ранен, ему тем более нужна срочная помощь.

Никто не может знать заранее, где и когда обнаружится летчик — может быть, через несколько минут, а может быть, и через несколько часов. И вот идут катера в море, они своего рода «Скорая помощь», никто не может сравниться с ними по скорости. И всматриваются в море командиры катеров, до боли в глазах, до того, что потом, когда на секунду опустишь веки, перед тобой все то же волнующееся море.

Шабалин мысленно представляет себя на месте летчика. Что бы делал он сам, если бы это его самолет горящим факелом падал в море? Конечно, до самой последней секунды, пока еще оставалась хоть малейшая надежда, он пытался бы спасти самолет. Ведь любому

человеку, влюбленному в свое дело, жаль как живое родное существо, свой станок, свою машину, свой корабль, свой самолет. Наверное, и этому летчику, когда сбили его машину, тоже казалось, что гибнет товарищ и надо использовать все возможности, чтобы его выручить. Но все напрасно — пришлось выпрыгнуть с парашютом...

Сначала он не почувствовал холода, еще не остыла в нем горячка боя. Вода кажется вполне терпимой.

Там, где только что пылал огненный факел горящего самолета, теперь темно и безжизненно. Все кончено... Теперь уже ничего не сделать, надо думать о себе.

Сначала надо освободиться от запутавшихся лямок парашюта. Скоро он из помощника превратится во врага и будет тащить на дно. Несколько энергичных движений, и парашют уже качается рядом на волнах. Никогда не подумал бы, что можно так устать от такого, кажется, простого дела — снять парашют, теперь надо отдохнуть. Александр представил, как он лег на спину и море стало подбрасывать его на своей спине, раскачивать, как на качелях. Может, стоит плыть? Вряд ли! Это бессмысленно, плыть некуда — всюду море. Значит, надо держаться, держаться до тех пор, пока не придут свои, а они должны прийти обязательно.

Молодец тот, кто придумал спасательный жилет. Его высокий воротник доходит до подбородка и держит голову над водой. Чтобы не захлебнулся человек, если он ранен или потерял сознание, или, наконец, потерял надежду, что его спасут.

А волны стали наступать, бросать брызги горстями в лицо, показывать белые зубы — гребешки... Шабалин так ярко представил себе все это, что даже вздрогнул, когда ветер мокрой плеткой ударил его по лицу.

«Погода меняется. Как бы не было шторма», — подумал он, возвращаясь к действительности. И опять он, не отрываясь, смотрит в пустынное море.

Но что это? Какая-то черная точка темнее воды показалась вдаль. Поворот штурвала, и катер ложится на другой курс. Теперь видно, что это человек, одетый в спасательный жилет. Желтое пятно одежды заметно выделяется на фоне темного моря. Моряки застывают в напряженном ожидании. Жив ли? Ведь жилет будет поддерживать на поверхности и того, кто уже погиб. Вот уже можно рассмотреть лицо! Жив! Ура! Летчик настолько потерял силы, что не мог им даже помахать рукой, лишь глаза выражали такую огромную радость и благодарность, что моряки почувствовали, как дрогнули у них сердца. Когда они подняли его на катер, он только мог прошептать: «Спасибо». И этого было достаточно. Спасенным оказался летчик сбитого истребителя, и, если бы моряки задержались хотя бы на полчаса, кто знает, остался бы он жив.

Шесть летчиков обязаны своей жизнью Шабалину и его команде, и они этого никогда не забудут...

А однажды произошел такой случай. Это тоже было в июне 1943 года. Наши береговые посты отметили, что немцы ведут активный огонь по морю. Никаких наших судов в это время там быть не могло — значит, фашисты обнаружили еще какую-то цель. И вот катер ТКА-13 получает задание выйти в море и разобраться в обстановке. Шабалин, выждав, когда несколько поутихнет огонь немецких батарей, вывел свой катер в море. Вывел на полном ходу, не маскируясь, оставляя за собой длинный белый след. В бинокль Александр разглядел, что на воде качается плот, а на нем неподвижно лежит человек.

Подожли вплотную, с трудом подняли замерзшего,

одетого в изодранную солдатскую форму человека на борт. Положили у ног командира на палубе. Шабалин нагнулся над ним. Трудно было определить по изможденному, заросшему полуседой щетиной лицу возраст спасенного.

«Здорово тебе, друг, досталось, — подумал Александр Осипович сочувственно, — вот руки какие изуродованные, расшибленные в кровь...»

Водяной столб вдруг возник перед катером и рассыпался на множество частей. Снаряд упал совсем близко. Немецкая батарея снова начала свою работу.

— Раненого в моторный отсек, — приказал Шабалин.

Двое моряков осторожно спустили солдата в трюм.

— До чего же легкий! Кожа да кости! — удивился кто-то.

Но выяснять, кто спасенный, не было времени, надо срочно уходить. Умело сброшенные дымовые шашки скрыли под надежной пленой катер, и он ушел к своим.

На базе, после того как врачи осмотрели и перевязали раненого, Шабалин спросил, кого же они на этот раз спасли. Оказалось, что это наш солдат, взятый в плен под Харьковом. Вместе с товарищами он организовал побег из лагеря военнопленных. Бежало их несколько человек, но спасся он один, чудом дошел до моря, связал два бревна, сделал плот и решил во что бы то ни стало добираться до своих. Так и получилось — его подобрал ТКА-13.

Чтобы получить наиболее полное впечатление о буднях катерников, расскажем еще о двух случаях.

В записной книжке вице-адмирала А. В. Кузьмина имеются такие строки: «Высадка разведчиков в Мак-

каурсан-фиорде не удалась. Шабалин осуществил прорыв в Бос-фиорд. Немецкий сигнально-наблюдательный пост заметил катер. Запрашивал. Шабалин продолжал идти вперед. Немцы приняли его за своего. Так же успешно Шабалин вышел обратно с двумя «языками».

...В штаб флота получено донесение, что противник сосредоточивает в Бос-фиорде боевые средства.

Какие средства? Сколько их? На эти вопросы смогут ответить разведчики и еще более точно захваченные на месте «языки».

— Высадите группу разведчиков в Маккаурсан-фиорде, — получил приказ Шабалин.

План был таков: разведчиков высаживают в Маккаурсан-фиорде, а дальше они уже пешком добираются до Бос-фиорда.

Задание ясно, и катер держит курс к высоким скалам мыса. В другое время можно было удивляться, как природа умудрилась так точно распиливать и гладко отполировать скалы, но сейчас людям было не до восхищения. Важно пройти незамеченными, не попасть под вражеский обстрел. С каждой минутой приближаются скалы, надвигаются на катер, как будто хотят зажать его в каменных ладонях.

Катер идет тяжело — несет непосильный груз: привычный — торпеды, а сверх нормы — разведчиков. Двойная ответственность и на командире — нужно не только доставить на место людей живыми и невредимыми, надо доставить их так, чтобы катер стал невидимкой, — ждал бы возвращения разведчиков, притаившись под самым носом у врага. Морские разведчики уже знакомы Шабалину — их командир Виктор Леонов имеет добрую боевую славу. Там, где высаживалась его группа, в панике убегали гитлеровцы, часто даже

не дожидаясь прихода разведчиков, и облегченно вздохнули местные жители. Пришли русские — значит снова возродится жизнь, прекратятся насилия и голод...

Боевой командир Виктор Леонов — хороший товарищ. Это Шабалин может подтвердить — им уже приходилось ходить вместе. Он еще раз взглянул на часы и проверил себя по табличке пройденных расстояний — все правильно. Скоро будет вражеский берег. Вроде все известно и ясно, но когда идешь в темноте крадучись, то тут надо иметь еще какое-то особое чувство, чтобы не сбиться с дороги, точно выйти к цели.

Шабалин еще раз бросил взгляд на катер. Все в порядке, смотровое стекло рубки прикрыто, чтобы не заблестело в лучах прожектора. Берег уже совсем рядом. На берегу вражеские укрепления. Сейчас они не видны. Но иногда на черном фоне кое-где возникают четкие яркие квадраты. Появится такой квадрат и исчезнет — снова все погружается в темноту. «Дверь кто-то открыл, вышел, — думает Шабалин. — Ничего, сейчас к вам придут незваные гости. Ждите». Катер осторожно шел по заливу, забираясь все дальше и дальше. Тихо на катере: молчали разведчики, молчала команда.

Тонкий луч прожектора вдруг скользнул по катеру, и через секунду с немецкого сигнально-наблюдательного поста светящимися горошинками посыпались точки и тире.

— Запрашивают позывные, — доложил боцман.

— Не отвечать, — приказал Шабалин.

Катер уверенно шел в глубь фиорда. Еще и еще раз замигал прожектор — немцы настойчиво требовали ответа.

«Может, им ответить что-нибудь, — подумал Алек-

сандр Осипович. — Ответить что-нибудь, что на ум взбредет».

Он ясно представил, как замигает сигнальный фонарь, точки и тире начнут чередоваться друг с другом в сложной последовательности, а немцы будут стараться вникнуть, понять текст. Может, ответ, хотя и непонятный, успокоит сигнальщиков? «Нет, нельзя рисковать, — решил Шабалин, — пойдем так, молча».

— Ни в коем случае не отвечать, — теперь уже уверенно повторил он.

Вдруг прожектор погас: наверное, немцы решили, что идет какой-нибудь свой катер. Именно на это и рассчитывал Шабалин: гитлеровцы не заподозрят, что перед ними противник, не поверят в такое откровенное нахальство. Но надо пройти еще несколько миль в глубинах фиорда, высаживать здесь группу нельзя. Наконец-то подходящее место — можно действовать. Не так-то просто удерживать трап, когда в распоряжении считанные секунды.

Последний разведчик сошел на берег и бесшумно растаял в темноте. Теперь наступила не менее трудная часть задания: пока люди Леонова работают на берегу, катерники должны были дожидаться их, ничем не выдавая врагу своего присутствия, и в то же время находиться в полной боевой готовности.

Катер отошел к ближайшей скале и спрятался в ее тени. Шабалин стоял на мостике, не отрывая глаз от темного берега. Замерли у пулеметов матросы — только дай команду, и пулеметные очереди прорежут густую мглу. Светящаяся минутная стрелка бесконечно медленно двигалась по циферблату, так и хотелось подтолкнуть ее, поторопить, ускорить ее бег.

«Не может быть, чтобы прошло всего несколько

минут, — только одна эта мысль занимала сейчас всех моряков. — Невероятно долго тянется время».

Вдруг на берегу мигнул слабый сирий огонек. Мигнул и сразу погас. Потом снова замигал, теперь уже бойко, уверенно.

— Наши возвращаются! — раздался вздох облегчения.

Когда разведчики подошли к берегу, Леонов тихо сказал:

— Эй, хозяйева, пустите?

— Ждем не дождемся.

— Да мы не одни.

— С кем же?

— С гостями. С двумя.

— Ладно уж, что делать, — ухмыльнулся Шабалин, — в тесноте, да не в обиде. Как они у вас, ходячие?

— С нашей помощью передвигаются.

— Ну и давайте лезьте.

Разведчики осторожно спустили в кубрик двух гитлеровцев. По-видимому, их взяли во время сна: их беспорядочно надетая одежда, торчащие изо рта кляпы и совершенно растерянный вид вызвали невольную улыбку. Уж очень не соответствовали эти перепуганные неопрятные люди разрекламированному облику немецкого офицера. Хотя на катере и без того было тесно, но ради таких «дорогих гостей» все с удовольствием потеснились. Катер вернулся на базу без приключений в целости и сохранности. Доставленные «языки» сообщили много ценных сведений.

Прошло несколько месяцев после высадки десанта в Бос-фиорде. За это время пришлось не один раз североморцам доставлять морских разведчиков на место назна-

чения, не один раз встречаться с противником. Но операция, о которой пойдет речь, носит исключительный характер. Судьба опять свела вместе Александра Шабалина и Виктора Леонова.

Задание командования на первый взгляд мало чем отличалось от обычного: высадить десант на мыс Лангбюнес и захватить пленных. Сначала вызвали разведчиков и пояснили им обстановку: между городами Варде и Вадсе усилилось движение противника. Необходимо добыть «язык» и именно оттуда, с дороги.

Дважды пытались наши разведчики высадиться на берег и не смогли. Штормовое море и сильный встречный ветер не подпускали катера близко к берегу, не давали спустить сходни. С трудом на третий раз разведчики на надувных лодках добрались до берега. Вот она, дорога! Но их постигла неудача: нигде нет ни одной живой души. В придорожных домах тоже никого не видно — пришлось вернуться с пустыми руками. Но «язык» нужен позарез, и разведчики снова отправляются на задание. В этот раз высадка десанта поручена Александру Осиповичу Шабалину.

Командир разведчиков Виктор Леонов предложил сначала высадиться на острове Лилле-Эккерей, чтобы получить дополнительные данные о противнике, уточнить сведения о передвижении врага по дороге.

Где-где, а на маяке всегда люди, а они-то наверняка знают, что творится у них под боком. Идея Леонова принята, получено «добро» от командования, и катера выходят в море.

Имя бесстрашного морского разведчика дважды Героя Советского Союза Виктора Николаевича Леонова хорошо известно не только друзьям, но и врагам. Немало славных дел на его счету, далеко не о всех

он рассказывает, но об этой операции он вспоминает часто.

Было около полуночи, когда катера подошли к юго-восточной части острова Лилле-Эккерей. Разведчики, как всегда, бесшумно и осторожно сошли на берег и, разделившись на две группы по пять человек, разошлись в разных направлениях, и вскоре скрылись из виду. Катера терпеливо ждали десантников, не отходя далеко от берега. Погода вначале была терпимой, но неожиданно стала портиться. С трудом приняли на борт разведчиков. Они вернулись вместе с молодым мужчиной, как потом выяснилось, помощником смотрителя маяка. Он рассказал, что действительно движение на дороге возле города Варде очень оживленное, правда, только днем — видимо, ночью немцы отдыхают. Он также сообщил, что на остров каждую неделю на катере доставляются новые патрули. Судя по всему, Аксель, так звали мужчину, говорил правду и искренне хотел помочь русским.

— Давайте покажу протраленные немцами фарватеры, — сказал он.

Это было ценное сообщение, и катера вышли в море. Аксель показывал и рассказывал обо всем, что он знал. А знал он достаточно — видимо, смотритель маяка не имел от него секретов. Пока катера обходили остров, подул сильный норд-остовый ветер. Снежные заряды начали бомбардировать катера, забрасывать их снегом. Ртуть в термометре упорно падала все ниже и ниже. Из белой мглы возник силуэт корабля: неприятельский сторожевик пытался подойти к берегу.

— Надо уходить, пока нас не обнаружили, — решил Шабалин, и катера скрылись за белой пеленой.

Спустя сутки курс был снова взят на остров Лилле-

Эккерей. Вот он уже совсем близко. Побережье безжизненно: нет никаких признаков деятельности человека. Леонов решил высадить шестерых разведчиков и, конечно, Акселя, чей дом был на острове.

Так и сделали. Катера легли в дрейф. Они не уйдут до тех пор, пока разведчики не дадут сигнал «Все в порядке». Потянулись долгие минуты ожидания. Сколько мыслей проходит за эти мгновения, кажется, что не то что часов, всей жизни не хватит, чтобы продумать, осмыслить все, что приходит на ум в это время. Ведь время одно из самых емких понятий на свете. Наконец-то сигнал с берега! Шабалин внимательно всматривается: что-то совсем иное сообщают бесстрастные знаки — просят катерников подойти поближе к берегу. Когда разведчики поднялись на борт, рассказали, что остров безлюден и узнать о передвижении немецких войск и об их намерениях по-прежнему не у кого.

Значит, надо идти на эту проклятую дорогу и брать там пленных, хотя бы одного. Иного выхода нет. Еще засветло катера пошли к полуострову Варангер. Было отчетливо видно, как по шоссе, проходящему совсем близко от берега, движутся машины. Они шли колоннами — одна за другой, строго держа между собой дистанцию. Проследует автоколонна, и опустеет дорога. Полчаса пройдет — и снова машины. И так весь день со свойственной немцам пунктуальностью, четко соблюдая интервалы в тридцать минут.

Начало смеркаться. Движение на дороге стало замирать, только вдаль виднелись головные машины колонны. «Девятнадцать часов, — сказал Шабалин. — Сейчас стемнеет. Вряд ли кроме этих будут еще машины».

Опытный командир не ошибался, — судя по всему,

именно сейчас еще был последний шанс взять «языка», потом уже будет поздно. В сумерках подошли к скалистому берегу. Разъяренное море бурлило как кипящий котел... Катер упрямо пробивался к берегу, это нужно было сделать очень осторожно, потому что волны могли выбросить корабль на прибрежные камни. В конце концов решили, что подойти к берегу и перекинуть сходни невозможно, единственная надежда — надувные лодки, но как их спустить на такую волну? Наверное, если бы до этого у Шабалина или Леонова спросили, можно ли в такую погоду идти до берега на надувной лодке, то они оба ответили бы отрицательно. Но в тот момент было не до теоретических вопросов. Насквозь промокшие в ледяной воде, разведчики боролись с безжалостно хлещущими по ним волнами. Наконец-то берег! Самое время отдохнуть и обогреться, но это все будет потом, когда они вернутся, а сейчас надо торопиться, чтобы опередить идущую по дороге автоколонну. Разведчики побежали, на ходу сбрасывая рюкзаки. Успели вовремя. Из темноты показались светящиеся точки — фары приближающихся машин. Ровно гудели моторы. Разбившись на несколько групп, десантники залегли в засаде. Светящиеся точки придвинулись совсем близко, теперь это уже не точки, а злые огненные глаза.

— Одна, две, три... восемь, — считал Леонов.

Восемь грузовиков прошли мимо. Пора! Раздался взрыв, и одна из машин завертелась на месте. На нее налетела другая, третья! Летевшие со всех сторон гранаты и автоматные очереди превратили дорогу в настоящий ад.

Шабалин и его катерники слышали разрывы ручных гранат и стрельбу. Услышали звуки боя и немцы на береговой батарее. Прожекторы с вышек стали хлестать

лучами дорогу и море, а над побережьем повисли ракеты. Немцы «повесили люстры» — осветительные ракеты с ярким, слепящим светом. При таком освещении все хорошо видно, хоть газету читай! Катера как можно ближе подошли к берегу.

— Может, не заметят, — волновался Шабалин. — Но даже если и заметят, надо ждать и держаться. Все равно не уйдем отсюда!

А в это время Леонов с товарищами вступили в рукопашный бой с врагом. Леонов схватился с здоровенным егерем, который меньше всего собирался сдаваться в плен. Он схватил автомат и вскинул его. Чудом Леонов успел отбить оружие в сторону — пули просвистели над его ухом.

Но егерь не растерялся и кинулся на разведчика, пытаясь схватить его за горло. Противники покатились по снегу. В руках у немца оказался нож. С трудом увернувшись от разъяренного фашиста, Леонов изо всех сил ударил его рукояткой маузера по голове. Тот замер. Один «язык» уже был. Задание выполнено, можно возвращаться. Но тут из-за валунов появилась группа разведчиков, которые тащили еще одного бесчувственного немца. Теперь задание выполнено на двести процентов — есть два пленных и документы...

Разведчики кинулись к берегу. Трудные минуты переживали в это время катерники: совершенно ясно, что идет серьезный бой, а тут приходится стоять в стороне и ждать. А вдруг товарищам нужна помощь? Ведь как узнаешь? Нельзя покидать свой пост. Противник перенес свет прожекторов ближе к морю, но темная его поверхность оставалась совершенно пустынной. Недаром у Александра Осиповича Шабалина слава самого хитрого катерника. Все-таки умудрился он прижаться к ска-

лам, под каменным навесом. На берегу вдруг вспыхнул огонек. Вспыхнул и погас. Потом еще несколько. Огоньки перебегали с места на место — это торопились разведчики к морю, туда, где их ждали катера. Наконец-то товарищи вернулись, теперь ждать недолго, скоро можно будет уходить.

Катера шли с приглушенными моторами, ловко увертывались от лучей прожектора. Шабалин приказал сбросить дымовые шашки — едкий запах щекотал ноздри, проникал в легкие. Ну ничего, дышать трудно, зато надежно прикроет она корабли. Немцы старательно обшаривали прожекторами побережье, наверное, думали, что разведчики укрылись в сопках. А тем временем катера спокойно уходили в море.

Через некоторое время эта операция была отражена в двух документах.

В немецкой сводке было написано, что русские высадили в Северной Норвегии с целью ее оккупации крупный десант, который якобы был частично уничтожен, частично сброшен в море. Далее красочно расписывалась вся операция, но нигде не упоминалось о нанесенном фашистам уроне. На самом деле в десанте было всего тридцать три человека, но у «страха глаза велики», и немцам, наверное, показалось, что было не тридцать три, а триста. Вообще говоря — оценка правильная: когда надо бить врага, каждый советский солдат стоит десяти.

А в наградном листе Шабалина было написано следующее:

«В декабре высадил разведгруппу на маяк противника, забрал маячника, давшего ряд ценных сведений. 20/XII высадил разведгруппу на территорию противника. В результате этой группой было уничтожено четыре

автомашины, взято в плен два немецких обер-ефрейтора».

Лишнее подтверждение того, что каждый факт можно воспринимать с разных точек зрения.

ГЛАВА X

Бой 23 декабря 1943 года.

Даже сейчас, когда военные годы отступили на четверть века, молодым морякам приводят его как пример отваги, мужества и смекалки. Две предыдущие ночи катерники высаживали десантную группу Виктора Леонова на вражеский берег. И до этого приходилось североморцам доставлять разведчиков, потом возвращаться на базу и снова уходить в море. Но в этот раз разыгралась такая непогода, что катера ТКА-12 и ТКА-13 с трудом дошли до основной базы и даже не смогли пополнить наполовину израсходованный запас горючего — штормом могло катера сильно повредить о сваи причала. О выходе в море нечего было и думать, и катерники отправились домой на отдых.

Спрятанная в расщелине скалы землянка на краю маленькой площадки и была тем домом, где проводили короткие часы отдыха моряки. Это место сразу приглянулось катерникам, и они не пожалели сил и времени, чтобы оборудовать в нем себе жилье и наладить телефонную связь с КП СОРа (Северного оборонительного рубежа). И теперь, когда позволяла погода и катера могли подойти к берегу, моряки шли домой. Хотя тропка, ведущая вниз, к берегу, к катерам, была почти отвесной, катерники по ней быстро спускались и поднимались в любое время — так изучили все ее повороты и опасные места.

Только команды ТКА-12 и ТКА-13 расположились на отдых, как вдруг резко зазвонил телефон. Приказ был лаконичен:

«Обнаружено 26 вымпелов. Выйти в море на перехват каравана».

Воздушная разведка обнаружила в районе мыса Маккаура вражеский конвой: три транспорта, в охранении эскадренный миноносец, четыре тральщика, десять больших катеров — морских охотников и восемь сторожевых кораблей. К концу 1943 года такие большие конвои уже были не в новинку: потеряв немало своих кораблей, фашисты теперь не скупились на охрану. Вот и на этот раз каждый транспорт сопровождало по семь-восемь боевых единиц. Приказ был ясен — атаковать конвой на переходе между Варде и Киркенесом. Для выполнения задания должны были идти пять катеров из вновь сформированного 1-го отдельного дивизиона торпедных катеров (ОДТКА).

Три катера вышли из основной базы, а два торпедных катера ТКА-12 и ТКА-13 должны были подсоединиться к ним в пути у полуострова Рыбачий.

Когда моряки быстро собрались и вышли из землянки, командир отделения мотористов ТКА-12 Виталий Захаренко сказал: «Ребята, смотрите, что это? Откуда их столько налетело?»

Действительно, над покрытыми белым снегом скалами кружилась огромная стая ворон. Как будто темная туча закрыла небо, а откуда-то со стороны все летели и летели черные, мрачные птицы... Моряки дали несколько автоматных очередей, и потревоженная стая с пронзительным карканьем, шурша крыльями, улетела.

— Словно какое-то предзнаменование, — сказал кто-то.

— Скорее массированный налет, — поправили его товарищи. — Посмотрим, что дальше будет.

А дальше должен был быть бой...

Еще в начале войны в такую погоду никогда бы не разрешили катерам выйти в море. Даже большому кораблю трудно ходить в таких условиях, не говоря уже о маленьких, сделанных из еловых и сосновых досок катерах. Но война заставила пересмотреть обычные понятия.

Сборы были недолгими — ждали, пока прогреются моторы, — все остальное было проверено и подготовлено. Правда, горючего маловато, но район плавания небольшой — на него вполне должно хватить. Североморцы знали, что бой предстоит трудный: силы противника намного превосходят наши. Да кроме того, чтобы вести бой полярной ночью, надо обладать особым умением и сноровкой.

Катера шли, не зажигая огней. Единственный ориентир — маленький зеленый сигнальный огонек на самом краю материка — мысе Коровьем. Моряки напряженно всматривались в темноту — в любую секунду могли появиться корабли противника.

По радио поступила шифровка, в которой говорилось, что на перехват противника уже вышли катера, и определялось место встречи. Катер ТКА-12 вел старший лейтенант Георгий Паламарчук и ТКА-13 — капитан-лейтенант Шабалин. Корабли уже были в море, как вдруг ТКА-13 свернул с курса влево, а потом пошел обратным курсом, на базу. По-видимому, во время высадки разведчиков на норвежский маяк у ТКА-13 «топ-ляком» — плавающей доской или бревном, попавшими

под гребной винт, была погнута лопасть. Двигатель не мог работать на полную мощность, поврежденная лопасть давала сильную вибрацию, грелись подшипники, в машинное отделение стала поступать вода. Все это грозило серьезной аварией, и катер Шабалина не мог идти дальше.

Пришлось ТКА-12 идти одному в заранее обусловленный район на встречу с тремя катерами.

Выйдя в намеченный квадрат, Паламарчук увидел мерцающие своеобразным белым светом буруны — это шли наши катера. Построившись в кильватер, четыре катера направились к вражескому берегу на перехват конвоя. Шли на приглушенных моторах — надо подойти не обнаруженными как можно ближе к берегу — ведь караван наверняка идет, прижимаясь к скалам, — там наиболее безопасно. Берег был уже совсем близко, когда моряки с ТКА-12 увидели, что идущий впереди них катер начинает замедлять ход, а потом останавливается.

— Что случилось? — спросил старший лейтенант Паламарчук, подойдя, насколько позволяла волна, к катеру.

— Не поступает бензин, — ответил командир ТКА-201. Холодный. — По-видимому, засорились фильтры, как это часто бывало во время сильной тряски и качки.

— Немедленно прочистить фильтры, перейти на бензин из аварийной цистерны, — вполголоса приказал Паламарчук. Запасная аварийная цистерна с высококачественным горючим — закон для моряков. Она есть на каждом катере, но на прочистку фильтров уйдет несколько драгоценных минут.

Вскоре на катере Холодного снова заработали все три двигателя.

— Становись в кильватер, — предложил Холодному Паламарчук и вывел свой катер вперед, несколько увеличив его скорость. Вдруг Паламарчук насторожился: по каким-то одному ему известным признакам он почувствовал еще чье-то постороннее присутствие.

И он не ошибся: появляющиеся на мгновение световые блики, короткие вспышки электрических огней выдали врага.

До боли в глазах всматриваясь в густой туман, командир увидел совсем близко силуэт одного корабля, другого. Ясно: идет конвой.

«Подойдем еще ближе, — подумал Паламарчук. — Триста, двести пятьдесят метров, двести, сто пятьдесят...»

Катер уверенно шел на сближение.

Теперь ничто не могло остановить командира. Он не думал о том, что их обнаружит противник, вернее, Паламарчук прекрасно знал, что в любую секунду на катер может обрушиться смертельный огонь, но Георгий не думал об этом — сейчас главное было подойти как можно ближе, чтобы наверняка поразить намеченную цель.

Пора!

— Аппараты, товсь! — скомандовал старший лейтенант.

Паламарчук мгновенно сделал необходимые расчеты по торпедному прицелу.

— Залп, двумя! — последовал приказ.

Георгий повернул рукоятку курка торпедной стрельбы на «залп» двумя торпедами. Одно короткое движение, а сколько в него вложено! Ненависть к врагу, любовь к Родине, неудержимое стремление к победе!

Метко направленные торпеды поразили вражеский миноносец с предельно короткой дистанции. Два взрыва,

заглушившие рев моря, словно громовой раскат, слились в единый мощный звук. Катер, освободившись от двух полуторатонных торпед, шел на максимальной скорости в сторону моря.

Не ожидавшие атаки с моря гитлеровцы решили, что на них сбросили бомбы советские самолеты. Огромные световые шары — осветительные снаряды, как ярчайшие люстры повисли в воздухе. Прожекторы хлестали лучами темное небо. Трассирующие пули прочерчивали разноцветными линиями темноту, с мыса Немецкого ударила фашистская батарея. Свист пуль, рев сирен, грохот взрывов, крики мечущихся в панике людей на вражеских кораблях — все смешалось воедино. Кажется, полнеба заняло медленно расползающееся зарево, как будто кто-то огромной кистью перекрашивал черное небо в огненное. На фоне зарева четко вырисовывались в бушующем море силуэты пляшущих в непонятном танце кораблей. Грандиозное и впечатляющее зрелище, если смотреть со стороны, если самому быть не действующим лицом, а наблюдателем. Только потом, даже не через день и не через неделю, а когда война уже отойдет в прошлое, тогда, вспоминая о боях, да и то не среди товарищеско-морских, отмечается эта зловещая неповторимая красота...

Паламарчуку тоже было не до экзотики. Он знал, что за ним идет катер Холодного и ему надо дать возможность выпустить свои торпеды по врагу.

Поставив дымовую завесу, прикрывшую идущий за ним катер, ТКА-12 проскочил между тонущим миноносцем и транспортом.

Торпеды с катера лейтенанта Холодного тоже достигли свою цель — вражеский транспорт, сильно накренившись, стал погружаться... Тогда немцы поняли, от-

куда надвинулась на них гроза, и обрушили смертельный ливень на наших моряков. Сторожевые корабли и катера противника кинулись на североморцев. Пять из них, сменив курс, пошли параллельно катеру ТКА-12 и кинжальным огнем почти в упор стали расстреливать его. Подымая водяные столбы, снаряды ложились рядом с катером. Но катер упрямо рвался вперед. Вдруг сильный удар подбросил корабль, как будто кто-то сжал его в огромных тисках. Раздался сильный треск и снова глухой удар. Разрыв снаряда разворотил боевую рубку и, начисто вырвав левую дверку (вместо нее зияла огромная дыра), осыпал весь катер осколками.

Но командир ТКА-12 по-прежнему стоял за штурвалом. Из люка в боевую рубку выглянул старший матрос Захаренко. Волны захлестывали палубу, ледяная вода заливала через пробоину в рубке носовые отсеки, трюм рубки.

«Жив ли командир?» — мелькнула мысль. Захаренко быстро огляделся, придерживая крышку люка. Снова глухой удар потряс катер, осколки впились в руки матроса, кровь горячей струей побежала в рукава. Захаренко прислушался: привычный шум моторов изменился. Видимо, что-то случилось. Действительно, один из моторов неожиданно заглох, — скорость катера сразу упала.

В машинном отделении пронзительно задребезжал звонок. Полумрак прорезали вспышки красного света — сигнал аварийной тревоги. Резкий запах гари наполнил помещение. То тут, то там вспыхивали искорки, быстро превращающиеся во все увеличивающиеся языки пламени. Опытному механику Захаренко стало ясно: в двигателе разбито магнето, поврежден блок, пробиты в нескольких местах выхлопные трубы.

— Резиновую шину! — крикнул Захаренко, не чувствуя боли в раненых и обожженных руках. Не обращая внимания на горячее масло, которое брызгало ему на грудь и руки, Захаренко почти в полной темноте на ощупь наложил резиновую шину на выхлопную трубу. Ударами кошмы сбил бегающие язычки пламени. Из пробоины в борту в трюм лилась вода. Не долго думая, Захаренко скинул ватник и засунул его в пробоину: течь уменьшилась. В машинном отделении стало легче дышать — выхлопных газов стало меньше. Резкие звуки телеграфа: «Полный вперед».

Катер прибавил скорость.

— Помощь командиру! — крикнул сверху боцман Колобов.

Схватив аптечку, Захаренко кинулся наверх. Освещенный тусклым светом единственной уцелевшей приборной лампочки Паламарчук, держась неестественно прямо, все еще стоял за штурвалом.

— Не мешай! Больно! Мы выходим из атаки! Обеспечьте полный ход, выжмите все, до шплинта! — скомандовал командир.

Сильная волна снова почти вертикально поставила катер, но матрос удержался и не выпустил аптечку из рук. Не обращая внимания на протесты командира, Захаренко разрезал ножом сапог и брюки Паламарчука, туго наложил жгут и повязку... Только когда катер вышел из атаки и кончился обстрел, командир, обессилев, повис на штурвале. Боцман сменил его.

Пока шли к базе, дважды загорался левый мотор, и, хотя пожар был быстро ликвидирован, ТКА-12 продолжал идти только на двух моторах. Оба компаса после полученных повреждений давали разные показания направления, и теперь ориентироваться по ним бы-

ло сложно. По радию передали, чтобы с нашего берегового наблюдательного пункта для ориентации дали вертикальный луч прожектора. На мысу Вайтолахти взметнулся в небо яркий луч. Из-за снежных зарядов всего одну вспышку увидели моряки, но и этого было достаточно, чтобы определить свое местонахождение. Катер шел правильным курсом и находился севернее полуострова Рыбачий.

— Ну, кажется, все успокоилось. Проверить отсеки, трюмы, состояние материальной части катера и доложить, — скомандовал боцман.

Результаты были неутешительными: левый двигатель вышел из строя, в машинном отделении семь пробоин, кормовой отсек наполовину затоплен, горючего всего лишь на несколько часов хода.

Коротко посоветовавшись, команда решила: доставить командира в Полярный, сразу в госпиталь. Должны дойти во что бы то ни стало. И ТКА-12, взяв курс на Полярный, пошел, борясь с усилившимся штормом...

Ничего этого Шабалин пока не знал, ведь ему пришлось вернуться на базу. Пока экипаж готовил катер и устранял повреждение, Шабалин добивался, чтобы им разрешили принять участие в бою. Разрешение было дано.

— Бой кончится. Опоздаем! — волновались моряки.

— Не спешите, ребята. Успеем, — успокаивал их командир. — Наши катера атакуют караван, у немцев начнется паника, вот тут-то мы и подключимся.

И действительно, все получилось именно так, как и предполагал Шабалин. ТКА-13 подошел, когда бой был в самом разгаре. Катера североморцев, разделившись на две группы, атаковали противника. Шабалинцы видели, как взорвался вырвавшийся вперед миноносец. Это сра-

ботали торпеды с катера Георгия Паламарчука. Видели они, как катерники лейтенанта Холодного потопили один из транспортов и как был уничтожен немецкий тральщик. Шабалин выжидал, когда наши катера выйдут из атаки, чтобы застать врасплох растерявшегося и уже не ждущего нападения врага. Сейчас самое главное — не упустить удобный момент. Александру кажется, что он физически ощущает вопросительные взгляды команды: скоро ли?

Вот какой-то наш катер показался среди огненного кольца и стал медленно уходить.

— Моторы вышли из строя, — опытным глазом определил Александр. И он не ошибся. Катер молодого командира Русначенко получил несколько пробоин и на одном моторе пошел в сторону базы. Вот вырвался из окружения еще один катер, за ним второй...

Несколько немецких сторожевиков кинулись вслед североморцам. Остальные были заняты спасением своих моряков с торпедированных транспорта и миноносца.

Вот сейчас пора! Команда была понята с одного взгляда. Первая торпеда попала в головной сторожевик, вторая поразила следующий за ним. Напрасно совершенно растерявшиеся немцы освещали прожекторами клочущее море. Сверкающие лучи, рассекая ночь, напрасно шарили по поверхности воды, все это не могло помочь четырем фашистским кораблям, ушедшим на дно. Пока немцы, наконец, поняли, что к русским подошли свежие силы, Шабалин отвел свой катер в хвост конвоя, прижался ближе к берегу и начал аккуратно обходить караван. Теперь пришло время бороться только с ветром и морем. Капризная стихия решила показать себя: нордовый ветер стал еще сильнее, а шторм усилился до семи баллов. Высокие волны кидались на катер и перека-

тивались через него. Мороз покрывал ледяной коркой палубу, рубку, одежду людей. Обледеневшие катера с трудом пришвартовались к причалу. Их было только три. ТКА-14, где командиром был Евгений Димитров и ТКА-12 — Паламарчука — не вернулись...

Тем временем ТКА-12 упорно пробивался сквозь бушующее море. Раненый Паламарчук то терял сознание, то снова приходил в себя. На берегу вспыхивали прожекторы, это наши наблюдательные посты, заметив одинокий катер, запрашивали.

— Кто идет?

— Отвечать некогда! — скомандовал боцман Колобов. — Стрелять они не будут, знают, что идет свой катер, есть предупреждение, а нам время дорого.

Когда ТКА-12 был совсем близко от Полярного, Паламарчук попросил, чтобы его подняли к штурвалу.

— Пулеметную очередь, — негромко сказал он.

Очередь разорвала тишину, всех оповестили: возвращается катер с победой. ТКА-12 пришвартовался к «пожарнику» — буксиру.

— Матросы, поздравляю с победой, — сказал Паламарчук. Он уже не стоял, а тяжело висел на плече Колобова. Все ответил вразброд.

— Эх, вы, воевать умеете, а отвечать не научились, — еле слышно сказал командир.

— Командира на берег, — запросили с причала.

— Командир ранен, — ответил боцман Колобов.

На катер поднялись командующий флотом адмирал Головкин и член Военного совета вице-адмирал Николаев. Паламарчук попытался стоять без помощи боцмана.

— Смирно, — скомандовал Паламарчук.

Командующий поздравил моряков с победой. Георгия

Паламарчука на носилках отнесли в госпиталь. Помощь была оказана вовремя — очень много крови потерял старший лейтенант. Из его левой ноги был извлечен двадцать один осколок. Один из них, по своим контурам похожий на торпедный катер, хранится у Георгия Михайловича и поныне. На другое утро ТКА-12 вернулся домой на базу. Когда катер подняли, то обнаружили, что в его корпусе около сотни пробоин.

Большую победу одержали в этот раз катерники. Но тяжело было на душе — не вернулся ТКА-14, которым командовал Евгений Димитров. Было известно, что катером Димитрова был потоплен тральщик, а потом его больше никто не видел...

Шабалин попросил разрешения пойти на поиски. Всю ночь, несмотря на семибалльный шторм, моряки искали пропавший катер. Александру не хотелось верить, что Евгений погиб и что больше никогда они не пошутят, не поговорят по душам и просто не посидят молча рядом — иногда такое молчание значит больше, чем любые слова.

Опыт моряка, трезвый расчет говорили ему, что ТКА-14 погиб, но чувства отказывались верить. А вдруг отказали двигатели, молчит рация... А вдруг хоть кто-нибудь уцелел и ждет сейчас, теряя последние силы, в ледяном штормовом море помощи? Снова и снова они меняли курс, и катер Шабалина зарывался носом в волны, снова и снова до боли в глазах всматривались в море. На этот раз море было пустым и жестоким.

Уже наступило утро, но и оно не принесло ничего нового.

Пришлось шабалинцам одним вернуться на базу. Потом уже узнали, как погибли Евгений Димитров и часть его экипажа...

После боя командующий Северным флотом адмирал Головко выступил перед моряками и поблагодарил их. Всему экипажу ТКА-13 и ТКА-12 вручили ордена Красного Знамени, а об Александре Осиповиче Шабалине адмирал отзывался так:

«Выход его в атаку сегодня вполне может служить примером и должен стать им для других офицеров-катерников.

Отзывы о Шабалине: охотник без промаха, умеющий находить выгодное место для атаки, и, главное, умеющий вовремя занять наивыгоднейшее для себя положение. С виду это неторопливый, почти флегматичный человек. Впрочем, не только с виду. При высадке разведывательно-десантных групп в тылу противника он спокоен и хладнокровен. Однако он преображается, как только наступает момент выхода в торпедную атаку. Тогда это страстный и к тому же, что особенно важно при скоротечном бое, быстрый исполнитель, на деле доказывающий правильность своих же расчетов.

Надо всячески поощрять боевые способности Шабалина и заодно представить его к очередному званию. Слишком засиделся он в старших лейтенантах, хотя воюет лучше иного капитана второго ранга».

В бою 23 декабря 1943 года Шабалин как бы подвел свои итоги за два с лишним года войны. На его счету оказалось семь потопленных фашистских кораблей.

Капитан-лейтенант Лозовский с чувством большого удовлетворения писал наградные листы на Александра Осиповича Шабалина и Георгия Михайловича Паламарчука, представляя их к высокому званию Героя Советского Союза. И вскоре на страницах газет можно было

прочитать Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 февраля 1944 года. В нем упоминалось десять человек — восемь летчиков и два моряка-катерника. Приведем некоторые выдержки из этого Указа.

«Указ Президиума Верховного Совета СССР.

...О присвоении звания Героя Советского Союза офицерскому и сержантскому составу Военно-Морского Флота.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена В. И. Ленина и медали «Золотая Звезда»:

Старшему лейтенанту Паламарчуку Георгию Михайловичу.

Капитану-лейтенанту Шабалину Александру Осиповичу».

Золотую Звезду вручал Шабалину командующий флотом адмирал Головкин здесь же, на месте, в Полярный, а Георгий Паламарчук получал награду в Москве, в Кремле.

А вообще, Паламарчук узнал о своем награждении чуть ли не последним. После ранения почти два месяца пролежал он в госпитале. Немало хлопот доставлял Георгий врачам, а особенно сестрам. Входит к нему в палату сестра, чтобы выполнить очередное назначение врача и видит, что больной вместо того чтобы тихо лежать в постели, делает стойку на руках.

— Мне ведь прописана лечебная гимнастика, — глядя невинными глазами, объяснял Паламарчук возмущенной «медицине», как называли врачей и сестер раненые. — Вот я и занимаюсь.

Или еще хуже — Георгия ждут на процедуру, а он

вообще ушел из госпиталя «погулять». В конце концов расшвиравший главный врач пригрозил, что отдаст его под трибунал за «членовредительство», и тогда беспокойный Паламарчук притих.

22 февраля 1944 года накануне праздника Георгий Паламарчук, хромя и опираясь на палку, выписался из госпиталя и сразу пошел в гости к охотникам на плавбазу. Моряки собрались вместе, только что по радио начали передавать последние известия, и все их слушали. Вообще, репродуктор никогда не выключали, но появление Паламарчука привлекло общее внимание, и радио выключили.

На другое утро Георгий пошел к Шабалину.

— Ты куда пропал? — налетела на него Варя Шабалина. — Тебя всюду ищут, тебе и Саше Героя присвоили.

На первом же катере Паламарчук отправился на базу. Там был митинг, а потом торжественный ужин. Много искренних и дружеских речей было произнесено в этот вечер. Первый тост, как всегда, подняли за тех, кто в море. А когда в кружках осталось совсем немного, товарищи еще раз от всей души выпили за первых Героев моряков-катерников, кавалеров Золотой Звезды — Александра Осиповича Шабалина и Георгия Михайловича Паламарчука.

* * *

Капитан-лейтенанта Шабалина на Северном флоте знали и раньше, но сейчас, после присвоения высокой награды, еще больше выросла его боевая слава. О нем стали писать газеты.

Очень было трудно Александру Осиповичу, скром-

ному и молчаливому человеку, отвечать на бесконечные вопросы корреспондентов и рассказывать о своих боевых делах. Но недаром Шабалин считался самым хитрым катерником — он научился ловко избегать настойчивых корреспондентов. А если же такая встреча все-таки состоялась, то, как правило, он больше говорил о своих товарищах, чем о себе. Но на один вопрос он все же дал обстоятельный ответ.

— Думали ли вы, что станете Героем? — спросили его.

— Нет, никогда, — искренне ответил Шабалин. — Давно еще, когда я служил на тральщике, мы прочитали в газете, что вводится новая награда «Золотая Звезда» и присваивается звание Героя Советского Союза. И я тогда еще подумал, что, наверное, только необыкновенные люди могут стать Героями. А оказывается, не так. По-моему, самое главное в любом деле — это добросовестность и знание этого дела до последних мелочей. А в нашем военном деле, кроме этого, нельзя думать о смерти, надо твердо верить, что ты врага победишь. А если погибнешь, то тогда тебе о смерти думать уже не придется, — добавил он, улыбнувшись.

Это были не пустые слова — всю войну Александр Осипович Шабалин свято выполнял это правило.

ГЛАВА XI

1944-й год — это год стремительного наступления, когда от Черного моря до Баренцева повсюду советские войска неудержимо рвались на Запад, оставив позади границу. И на Крайнем Севере, правда, позже, чем где-либо, тоже началось наступление. Одним из важнейших

укрепленных пунктов был порт Лиинахамари, расположенный в заливе Петсамо. Его стратегическое значение трудно переоценить — ведь залив Петсамо никогда не замерзает и судоходен круглый год. Это его свойство привлекало внимание к Лиинахамари еще четыре века тому назад. Через порт шла торговля со многими странами, налаживались прочные связи. Хоть сам порт и небольшой, в нем было восемь причалов общей длиной в пятьсот восемьдесят метров, но оборудован он был на совесть. Немцы, заняв Лиинахамари, рассчитывали, остаться в нем навечно, потому они тоже взялись за оборудование его. Со свойственной им методичностью и аккуратностью они подправили шоссейные дороги, ведущие в норвежский порт Киркенес, в Рованиemi, что находится в Северной Финляндии, и шоссе к линии фронта на востоке. Даже подвесную дорогу построили гитлеровцы: по ней на передний край подавались продукты и боеприпасы. Но лучше всего был укреплен вход в узкий со скалистыми берегами залив. Его так и называли — «коридор смерти», и это название вполне себя оправдывало. Пройти через этот коридор невредимым, тем более таким почти незащищенным кораблям, как катера, было почти невозможно. А надо было не только прорваться в порт, но и высадить десант. И хотя Верховное командование прекрасно знало всю обстановку, иного выхода не было — наносить удар врагу лучше всего было именно здесь, в заливе Петсамо.

Октябрь 1944 года. Войска Карельского фронта и Северный флот ведут самую тщательную подготовку к наступлению. Со своей стороны, немцы тоже принимают меры — они прекрасно понимают, что отдать Лиинахамари — это отдать ключ к Заполярию.

По специальному приказу фюрера 19-й горный кор-

пус «Норвегия» должен был во что бы то ни стало преградить дорогу советским войскам с суши. Пятьдесят тысяч человек, сто пятьдесят катеров и кораблей, тридцать подводных лодок охраняли порт с моря. Кроме того, двести самолетов сосредоточили гитлеровцы в этом районе, чтобы не пустить законных хозяев на свою землю. Приморский плацдарм был укреплен со всех сторон: на юге — недоступная тундра, на востоке и севере — оборонительный рубеж, протянувшийся на тридцать восемь километров, а с запада — море, залив Петсамо.

Наступательная операция советских войск получила специальное кодовое название «Вест». Вот что рассказывает о подготовке к ней в своих мемуарах вице-адмирал А. В. Кузьмин:

«Адмирал Головкин сообщил, что Ставкой Верховного Главнокомандующего войскам Карельского фронта и Северному флоту приказано изгнать немецко-фашистских захватчиков из Советского Заполярья и освободить район Петсамо. Наступление начнется в ближайшее время. Задача нашей бригады — во взаимодействии с авиацией прервать коммуникации противника в Варангер-фиорде, чтобы лишить гитлеровцев возможности эвакуировать свои войска и подвозить морем резервы и воинские грузы».

Всем было ясно, что операция предстоит тяжелая. Сами фашисты называли свою оборону «гранитным северным валом» и считали, что прорвать ее невозможно.

Но 7 октября 1944 года войска 14-й армии (командующий Карельским фронтом генерал армии К. А. Мерецков) пошли на прорыв неприступного «северного вала». Войска Карельского фронта вместе с Северным флотом три года ждали того момента, когда будет дана команда освободить Заполярье.

Армейская газета того времени «Часовой Заполярья» призывала безжалостно уничтожать врагов: «Воин Севера! Родина требует очистить от фашистской чумы всю русскую землю в Заполярье с древним русским городом Печенгой. Родина требует, чтобы ни один фашистский изверг, покушавшийся на эти земли, не ушел из Заполярья живым».

Не только в газетах и листовках можно было прочитать подобные призывы — на вершинах скал, на камнях, написанные разными красками, какие только были под руками, горели эти простые, но полные глубокой любви к Родине, слова. Наступление началось точно по плану. Войска 14-й армии победоносно продвигались вперед, уничтожая противника. Особенно поразило гитлеровцев то, что здесь, в горной тундре, действовали советские тяжелые танки — этот факт противоречил всем канонам военной науки.

Утром 9 ноября морякам-североморцам сообщили, что есть приказ генерала армии Мерецкова переходить в наступление и частям Северного оборонительного района.

Вице-адмирал Кузьмин об этом пишет:

«Они должны прорвать оборону противника на хребте Муста-Тунтури, выйти на материк и перерезать дорогу Поровоара—Титовка, а затем вместе с частями 14-й армии наступать на Печенгу. Чтобы облегчить нашим войскам штурм Муста-Тунтури, нынешней ночью в тыл гитлеровцам будет высажен десант — 63-я бригада морской пехоты».

Наступление шло по плану. 63-я бригада морской пехоты неуклонно продвигалась вперед, и вскоре дорога Поровоара—Титовка была перерезана и части гитлеровцев, засевших на перешейке полуострова Средний, были

отрезаны. 12-я бригада морской пехоты штурмовала укрепление противника на хребте Муста-Тунтури. Несмотря на все старания врага, вечером 11 октября обе бригады морской пехоты соединились, а на другой день части 14-й армии овладели Луаастари. Фашистские войска, теряя живую силу и технику, отходили на запад...

Одновременно с высадкой десанта в Маттивуона было решено начать подготовку для прорыва в Лиинахамари. Но сначала надо было обязательно уничтожить немецкие батареи на мысе Крестовом. Наступление началось с полуострова Средний. Узким перешейком связывается он с материком, а на северо-востоке с полуостровом Рыбачий, немного напоминающим по своим очертаниям флажок. Полуостров Рыбачий был правофланговым на фронте Великой Отечественной войны. Так и не удалось фашистам, бросившим сюда первоклассные силы, перейти старую государственную границу. Как рассказывают очевидцы, гитлеровцы не одну тысячу пуль и сотню снарядов израсходовали, расстреливая упрямый пограничный знак, но все было напрасно. Как птица Феникс, возрождавшаяся из пепла, — бойцы складывали разбитые снарядами камни, и знак вновь появлялся на месте.

Больше четырех месяцев, не прекращаясь ни днем, ни ночью, шли здесь бои. Покрытые снегом сопки, гранитные скалы, в которых не выроешь окопа и не сделаешь блиндажа, и ледяные ветры такой силы, что валят с ног, — делали все, чтобы люди потеряли бодрость духа и веру в себя. Но несмотря на все это, наши бойцы выстояли. Так было и на Рыбачьем, суровом и неприветливом.

Там, где соединяются полуострова Средний и Рыба-

чий, есть две бухты. В одной из них сосредоточились наши корабли, и именно отсюда начали свое наступление североморцы. Здесь же, на берегу, расположились командные пункты командующего флотом, командующего Северным оборонительным районом, командующего Военно-Воздушными Силами и командира Краснознаменной бригады торпедных катеров. Бухта Пумманки расположена близко к заливу, и из нее шли в свой героический путь североморцы. Сразу же после выхода из залива начиналась пятнадцатимильная простреливаемая перекрестным огнем зона, и только пройдя ее, можно было попасть в «коридор смерти» — три мили длиной и около восьми кабельтовых шириной. Фашисты прочно запирали этот коридор на огненные ворота. А в глубине залива на берегу Девкиной заводи и находился порт Лиинахамари, важный узел обороны.

Рядом с портом находилось селение Трифионов ручей, где всегда можно было укрыться от колючих северных ветров. Здесь же проходила отличная шоссейная дорога. На берегу Девкиной заводи раскинулись всевозможные склады: топлива, боеприпасов, продовольствия и т. д. Различные склады были и на берегах других озер, и понятно, что немцы старались как можно лучше укрепить этот район. Их оборонительные сооружения выдерживали прямые попадания не только средних, но даже тяжелых снарядов. При входе в залив кораблям приходилось преодолевать трехслойную плотность огня и шестислойную в глубине залива. Для того чтобы прорваться в Лиинахамари и высадить десант, надо было провести предварительную подготовку. Самое первое — вывести из строя батареи на мысе Крестовом. Этот мыс виден издали: его мрачные скалистые берега несли грозную опасность для кораблей. Здесь фашисты уста-

новили две батареи. Та, что побольше — четырехорудийная, 150-миллиметрового калибра, — пристроилась у самой воды, а вторая — 88-миллиметровая зенитная — в западной части на возвышенности. Гранит надежно защищал их с воздуха и с моря, и уничтожить батареи могли только десантники, да и то самые опытные.

И таких, смельчаков, отобрали. Всем сводным отрядом, состоявшим из ста девяноста пяти человек, командовал капитан И. П. Барченко-Емельянов. В него включили и восемьдесят десантников лейтенанта Виктора Леонова. И даже таких опытных бойцов, мастеров своего дела, пришлось специально готовить. На Севере не так уж трудно найти местность, похожую на ту, что была на Крестовом. Разведчики лазали по отвесным скалам, штурмовали обледенелые с крутыми склонами высоты, втаскивали друг друга на ремнях, ползали в темноте по мокрому скользким валунам, по несколько часов лежали, вжавшись в каменную землю.

Наконец подготовка к рейду закончена. Пора действовать. Десантники на катерах под прикрытием дымовой завесы быстро, так и незамеченные врагом, сошли на берег мыса Пунайниеними. Теперь оставалась не менее важная часть операции. Катерники стали отвлекать внимание на себя и производить ложные маневры, чтобы дать возможность десантникам глубже зайти в тыл врага. Им удалось и это — противник даже и не подозревал, какая опасность нависла над его головой.

Двое суток добирались десантники до мыса Крестового. Вернее, шли они две ночи, а днем отряд размещался так, что, если понадобилось бы, он смог бы выдержать длительную оборону. А на горизонте вспыхивали яркие вспышки — это не были сполохи северного сияния, это наша артиллерия с полуострова Средний би-

ла по гитлеровцам, занявшим оборону по гряде Муста-Тунтури. Ветер. Пурга замечает следы, но десантники упрямо шли, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, в темноте по скользким валунам, неосторожных хватили за ноги поджидающие жертву топи, едва прикрытые снегом, каждую минуту любой из десантников мог сорваться в ущелье...

Но ничто не могло остановить этих людей в их неумолимом движении вперед, к цели. Недаром еще Суворов говорил: «Где прошел олень, там пройдет и русский солдат, а где не пройдет олень, там все равно пройдет русский солдат».

И вот наконец мыс Крестовый...

Командир отряда быстро разобрался в обстановке и дал командирам групп задание: одновременно с трех сторон атаковать зенитки и наблюдательный пункт. И боевое охранение, и наблюдательный пункт располагались на высотах. Со всех сторон, как паутина, опутывали их проволочные заграждения. Все подступы были взяты под прицел пулеметов. Сама же батарея разместилась совсем близко от воды, на нижней площадке. Было совершенно ясно, что сначала надо захватить зенитную батарею и подавить огневые точки, расположенные наверху.

Как бесшумные тени, скользили в темноте десантники, прижимаясь к ледяной земле, ползли на вершину. Случайно кто-то задел проволоку, и сразу в небо взлетели осветительные ракеты и подняли оглушительный шум сигнальные звонки.

Десантники начали штурм батареи зениток. Мелкими автоматными очередями сняли часовых и вплотную подошли к колючей проволоке. Кое-кто уже сбросил на проволоку плащ-палатку или ватник, чтобы преодо-

леть преграду, но десантников остановил Иван Лысенко, бывший чемпион флота по борьбе.

— Подождите, ребята, — отодвинул он выскочившего вперед товарища, — я сейчас.

Он вырвал из земли и поднял на плечи железный кол вместе с закрепленной на нем колючей проволокой. Десантники нырнули под нависшую проволоку. Атака началась. Из барака, обнесенного валом, выскакивали фашисты, стреляя из автоматов. Тяжело ранили Ивана Лысенко, но он продолжал стоять, из последних сил удерживая на плечах колючую проволоку...

Бой перешел в рукопашный. К рассвету зенитная батарея на вершине была наша.

Другие группы разведчиков атаковали и захватили фашистские доты. Теперь у немцев в руках осталась только тяжелая береговая батарея. Окруженная колючей проволокой, траншеями, выбитыми в граните, она казалась совершенно неприступной. Гитлеровцы оборонялись не на жизнь, а на смерть. Из Лиинахамари, с мыса Девкина по нашим десанникам ударили немецкие батареи. Осажденной батарее стали подбрасывать подкрепление с моря. Десантники отбивали атаки немцев. Но вскоре была дана команда: «Стрелять только наверняка — кончаются патроны». Тогда в бой включились и наша артиллерия и авиация. Бомбы, метко сброшенные на немецкую батарею, заставили гитлеровцев спрятаться в укрытии, а спущенные на парашютах гранаты и автоматные диски дали возможность десанникам пойти в наступление. После жестоких боев все гитлеровцы, а их на мысе Крестовом осталось в живых семьдесят восемь человек, сдались в плен.

Теперь можно было приступить к основному — прорываться через «коридор смерти» в Лиинахамари. Под-

готовка шла тщательно: наша воздушная разведка уже за несколько дней до операции уточнила расположение огневых точек, батарей, опорных пунктов и минных заграждений. Больше двадцати тысяч квадратных километров территории было заснято на восьми тысячах пятистах снимках. Весь этот огромный материал, собранный воедино, дал возможность составить подробный план порта и системы его обороны. Большое количество ценных сведений собрали летчики, и это впоследствии спасло жизнь многим.

Для моряков, например, важно было узнать расположение противоторпедных сетей. Оказалось, что у трех из шести причалов порта стоят в два ряда боносетевые заграждения. Значит, здесь надо быть особенно осторожным — для катеров сети чрезвычайно опасны, они могут повредить корпус хрупкого корабля. По данным разведки стало известно, что вход в залив охраняют мощные 150-миллиметровые батареи, около двух десятков малокалиберных орудий, а в гарнизоне Лиинахамарского района больше полутора тысяч солдат и офицеров.

За три дня до начала операции «Вест» наши авиация и артиллерия обрушили огонь на батареи противника и частично уничтожили их. Теперь появилась некоторая возможность пройти через «коридор смерти». Штаб флота взял на учет батареи и прожекторы противника, чтобы уничтожить их перед прорывом катеров.

12 октября Военный совет Северного флота решил стремительно начинать прорыв и высадку десанта в Лиинахамари. Наступление должно было быть молниеносным, чтобы при отступлении фашисты не взорвали порт.

Не один вариант плана высадки был забракован,

пока не остановились на следующем: первыми в Лиинахамари идут всего два небольших торпедных катера типа Д-3 с торпедами и десанниками на борту. Они должны разведать наиболее безопасный путь к причалам для основных сил и указать остальным катерам наиболее удобные места швартовки. Вторые пять катеров пойдут за первой группой на расстоянии десяти-пятнадцати кабельтовых через пять-семь минут. Эти катера уже будут без торпед, а только с вооруженными десанниками. Третий отряд — шесть малых охотников и один торпедный катер будут прикрывать десантный отряд дымовыми завесами и, если появятся корабли противника, вступят с ними в бой.

Очень долго обсуждали, кто будет командовать каждой из трех групп. И наконец, пришли к единодушному мнению: первую группу возглавит капитан-лейтенант Шабалин, вторую — капитан 2-го ранга Коршунович, третья — гвардии капитан 3-го ранга Зюзин. Особенно всех волновал вопрос, как прорвется первая группа.

Кто сможет пройти через «коридор смерти» и вернуться живым? Ведь мало того, что надо найти вход в залив сразу же, не ошибаясь, а предстоит его искать в полной темноте, смельчаку еще придется идти под таким огнем, который редко кто сможет выдержать и не свернуть с пути. И выбор пал на Александра Шабалина.

Когда Шабалина вызвали и сообщили ему, какое предстоит задание, то он, как всегда, спокойно сказал:

— Ну, что же, я согласен. Вот только одно: давно я не был в этих местах. Как бы не ошибиться. Обязательно нужен опытный лоцман. — Против этого возражать было нечего, и из штаба флота прислали лоцманов, помощь которых была неоценима.

Еще и еще раз все командиры катеров вывели свои задачи, уточнили все расчеты, по минутам расписали свои действия. Много споров вызвало решение, чтобы дымовые завесы ставили сами идущие с десанниками катера. Это очень рискованно: можно столкнуться со своими же катерами, потерять ориентировку, сбиться с правильного курса. Никто не отрицал, что риск большой, но все же, прикрывшись дымовой завесой, были какие-то шансы уйти от прицельного огня.

Два катера начинали операцию: на «плечи» этих двух хрупких суденышек ложился непосильный груз — они должны были наперекор всему пройти и проложить путь другим. Командир ТКА-114 капитан-лейтенант Успенский, командир ТКА-116 капитан-лейтенант Шабалин прекрасно знали, что им предстоит. Вполне вероятно, что это будет их последний выход в море — трудно предположить, что «коридор смерти» можно пройти живым.

Правда, были и конфликты. Долго спорил с Шабалиным командир десантников старший лейтенант Петербургский — он требовал, чтобы на катер взяли всех его людей.

— Ты пойми, мы ведь идем с торпедами, может, придется проход в бонах пробивать, — терпеливо объяснял ему Шабалин. — Значит, только двадцать пять человек, ну, уж ладно, тридцать возьму.

— А на других катерах семьдесят пойдут? — кипятился старший лейтенант, и его кожаная шапка-ушанка совсем съезжала на правое ухо, а усы свирепо топорщились. — Что же это получается?

Шабалин снова повторял ему свои доводы, но тот был непреклонен. Этот спор разрешило командование.

На одном катере пошло двадцать пять человек, на другом — двадцать семь.

И вот наконец настал решающий момент...

На Рыбачий прибыли командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головкин и член Военного совета вице-адмирал А. А. Николаев, чтобы встретиться с участниками десанта. Головкин не преуменьшал предстоящих опасностей, это было и так ясно каждому — он только еще раз сказал, насколько важен прорыв в Лиинахамари — прорыв спасет порт.

Североморцы написали клятву. Никто не мог указать ее автора — она выражала общие, самые заветные мысли.

«Настал долгожданный час для нас, катерников-североморцев, добить фашистских захватчиков в Заполярье, не выпустить их живыми, вернуть нашу Печенгу и навсегда утвердить там победоносное знамя нашей Родины! Мы клянемся, что, не жалея ни сил, ни самой жизни, с честью выполним эту задачу! За нашу прекрасную Родину!»

Уже совсем стемнело, когда ТКА-114 и ТКА-116, приняв на борт десантников, взяли курс на Лиинахамари. На ТКА-116 головным был Шабалин. Перед уходом в море Александр Осипович Шабалин встретился с Паламарчуком, его катер и катер Лозовского стояли в резерве.

По старой русской традиции присели на камни перед дорогой. Помолчали.

— Если не вернусь, отдай семье. — Шабалин положил в руку друга свой орден Отечественной войны.

— Сам носить его будешь, — возразил Паламарчук. Но орден взял и бережно спрятал в боковой карман кителя.

И вот катера в море. Светящиеся стрелки часов показывают двадцать часов сорок минут. Ветер обжигает лицо. Вдали вспыхивают сполохи — это бьются морские пехотинцы. Шабалин стоит за штурвалом. Смотрит в темноту. Где-то тут должен быть вход в Печенгский залив. Где-то совсем рядом, только бы не пройти мимо. с Нурменсетти взвились и повисли гроздь осветительных снарядов, стало совсем светло. Спасибо немцам — помогли, показали, где вход в залив. ТКА-116 ловко проскочил среди камней у мыса Нумерониemi, и вот он в фиорде. За ним, повторяя его маневры, вошел катер ТКА-114. И вот тут началось невероятное: катер Шабалина, замедлив ход, стал прижиматься к правому берегу. Именно на этом высоком обрывистом берегу залива и расположилось большинство огневых точек противника. Скалы нависли над водой — отсюда очень удобно держать под обстрелом не только середину залива, но и левый берег, а правый берег — «мертвая зона» — не достанут здесь гитлеровцы катерников.

Катер Шабалина, все время меняя курс и скорость, шел по «коридору смерти». Прожекторы шарили по воде, слепили в упор. Нервы у всех напряжены до предела, кажется, еще чуть-чуть, и они лопнут как струны.

С сопок и берегов, не прекращая его ни на секунду, враг вел ураганный огонь. Но катера ловко уходили от снарядов и мин — смена курса и скорости не давала фашистам точно прицелиться. Лейтенант Успенский повторял все маневры Шабалина, и его ТКА-114, как нитка за иголкой, шел за головным катером.

До конца «коридора смерти» остаются считанные метры, но каждый из них кажется километром, а каждая секунда — вечностью. Но вот катера прошли эту страшную зону и из-за мыса Девкин уже видна гавань

и порт. Разъяренные гитлеровцы тщетно стараются поразить неуязвимые катера. Наверное, не было такого вида оружия, из которого фашисты не вели бы огонь, но все напрасно. Катера упорно шли к своей цели.

Уже совсем недалеко причалы северного берега, но вдруг головной катер резко остановился. Моторы работают изо всех сил, а катер как вкопанный стоит на месте. Только глаз опытного боцмана мог определить, что невидимое препятствие — это противокатерные сети, укрепленные на буйках.

Шабалин осторожно ищет безопасный путь — катер нащупывает дорогу, уклоняясь то вправо, то влево. Вот наконец-то и долгожданный проход. Прикрываясь дымовой завесой, Шабалин уверенно ведет катер не к самому причалу, освещенному и взятому фашистами на прицел, а несколько правее, туда, где темный берег скрыт за высоким причалом. И хотя враг не жалел ни пуль, ни снарядов — первый катер благополучно достиг берега. Всего несколько секунд потребовалось, чтобы двадцать пять десантников выскочили на сушу. Почти одновременно с катером Шабалина чуть дальше, к четвертому угольному причалу, подошел катер ТКА-114 лейтенанта Успенского. Первым на покрытые льдом бревна настила прыгнул старшина 1-й статьи Георгий Курбатов. Держа трос в руках, старшина присматривался, за что бы его закрепить, но ничего подходящего на причале не было. Тогда Георгий Курбатов обмотал швартовый трос вокруг своего тела и стоял так под непрекращающимся огнем. Он стоял и удерживал катер, уносимый прибоем, стоял и не уходил, пока последний десантник не прыгнул на берег...

Снова катер капитан-лейтенанта Шабалина идет по уже пройденному смертельному пути. Он возвращается,

чтобы встретить идущие сзади катера и показать им дорогу. Теперь идти еще сложнее. Гитлеровцы подожгли бензобаки на причале, и стало светло как днем. Вот когдагодились дымовые завесы — они укрывали катера североморцев и мешали гитлеровцам вести огонь.

Вот два катера из группы капитана 2-го ранга Коршуновича прошли пятый причал, где только что высадились десантники с катера Шабалина. Еще два катера идут к четвертому причалу, где под ураганным огнем стоит ТКА-114 лейтенанта Успенского. Этот катер не только не уходит в более безопасную зону — здесь его место (вдруг кому-нибудь из наших катеров придется помогать), он поливает пулеметным огнем вражеский берег. Совсем близко, буквально в нескольких шагах от катера, шел бой. Осколки и пули безжалостно вырывали куски из тела катера, но он упорно стоял у пирса. Командир вместе с боцманом и двумя матросами, взяв автоматы и гранаты, вышли на берег, чтобы фашисты не смогли напасть на катер с пирса. Больше часа катер не покидал свой боевой пост, и, только когда большинство кораблей, высадив десантников, уже стали возвращаться на базу, ТКА-114 пошел к выходу из фиорда. И хотя корабль прикрывало дымовой завесой, много пуль и осколков настигло его. Вдруг катер остановился, замер. Противоторпедная сеть крепко держала его на месте. Яркий освещенный прожектором, ТКА-114 был превосходной целью, и, пока отцепляли сети и давали полный ход назад, орудия противника расстреливали катер. Снаряды сорвали с места сектор правого руля — штурвал не мог поворачиваться, повредили кронштейн. Теперь можно было управлять катером только с помощью моторов. Тяжело раненный в руку, ему перебило пальцы, старшина Георгий Курбатов, истекая

кровью, двигал рычаги дросселей, и катер, петляя из стороны в сторону, шел по «коридору смерти».

Капитан-лейтенант Успенский не растерялся — меняя обороты то одного, то другого двигателя, он выводил катер из опасной зоны. Так и шли они, окруженные водяными столбами от падающих со всех сторон снарядов, и все-таки выбрались в море. Вот уже скоро Рыбачий! Как будто катер почувствовал, что теперь он в безопасности — моторы заглохли, горючее кончилось, и он окончательно остановился. Георгий Курбатов потерял сознание, так и не выпустив из рук рычага дросселей...

Потом, когда ТКА-114 стоял у пирса и можно было своими глазами увидеть пробоины в его корпусе, — казалось невероятным, что в таком состоянии катер смог своим ходом дойти до базы.

Отвлекая на себя часть огня противника, катер капитана 2-го ранга Коршуновича дал возможность катерам, идущим за ним, форсировать вход в Петсамский залив. Катер Шабалина встретил основную группу с десантниками на борту, шесть малых охотников и торпедный катер. Вел эту группу капитан 3-го ранга С. Д. Зюзин, и в момент высадки в его МО-423 попала мина. Тяжело ранило рулевого, погиб дивизионный штурман старший лейтенант Федченко, и ранило самого командира дивизиона. Но хотя фашисты делали все, чтобы добить катер, моторный отсек которого стал наполняться водой, — катер довели до берега и десантники были высажены.

ТКА-208 высадил на берег десантников, но прямым попаданием снаряда враг вывел из строя оба мотора, а вторым снарядом пробил борт. Трое катерников погибли, остальные были ранены. Но даже в такой слож-

ной обстановке экипаж не растерялся. Хотя моторный отсек был наполнен угарным газом и наполовину затоплен водой, моряки вновь запустили моторы, и подбитый катер все же вырвался из опасного района. Все десантники были высажены на причалы порта, и теперь бой шел на берегу. Грохотали взрывы, как зарницы, полыхали над фиордами пожары. Небо и земля слились воедино, и в этом огненном аду мелькали то здесь, то там черные фигурки десантников, такие маленькие и хрупкие, но казалось, такие увертливые и неуязвимые.

Тщетны были все попытки противника удержать свои опорные пункты. Не помогли им ни батареи, ни проводочные заграждения, ни цемент, ни численное превосходство. Ничто не смогло устоять перед советскими людьми, и порт Лийнахамари пал. Двадцать четыре часа отделяли начало форсирования «коридора смерти» и победу. Двадцать четыре часа вошли в бессмертие и принесли освобождение старинному русскому городу Печенге.

15 октября 1944 года знакомый торжественный голос диктора Левитана читал: «Приказ Верховного Главнокомандующего:

Генералу армии Мерецкову

Адмиралу Головкину

Войска Карельского фронта прорвали сильно укрепленную оборону немцев северо-западнее Мурманска и сегодня, 15 октября, при содействии кораблей и десантных частей Северного флота овладели городом Петсамо (Печенга) — важной военно-морской базой и мощным опорным пунктом обороны немцев на Крайнем Севере».

В честь одержанной победы Москва салютовала двадцатью четырьмя залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

* * *

Но пока Москва салютовала героям-североморцам, моряки продолжали свою работу. Вывозили из Печенги наших десантников и пленных, теперь немцы сдавались весьма охотно. Таким же «извозчиком» был и катер Шабалина.

В октябре 1944 года на долю моряков-североморцев выпало еще много славных дел. 25 октября войска Карельского фронта и моряки Северного флота освободили норвежский город и порт Киркенес.

1 ноября полностью освободили Печенгскую область. Бригада торпедных катеров, так же как и другие соединения флота, стала носить название Печенгской, а 3 ноября бригаду наградили орденом Ушакова 1-й степени.

5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР девять катерников были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а капитан-лейтенанту А. О. Шабалину эта награда вручалась вторично.

Вторую Звезду Героя капитан-лейтенант Шабалин получал уже в Москве, в Кремле, в январе 1945 года. А бригаде вручались ее награды 4 марта 1945 года. В торжественном молчании замерли моряки, пока командующий флотом читал Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении бригады орденом Красного Знамени и Ушакова 1-й степени.

* * *

С тех пор прошло четверть века. Александр Осипович Шабалин преподает управление кораблем в Военно-морском училище имени Фрунзе. Его ученики слу-

жат во всех частях нашего славного Военно-Морского Флота — охраняют наши границы на Севере и на Дальнем Востоке.

Если вам придется быть в Печенге, то обязательно побывайте на набережной. Подойдите поближе к четырехметровому памятнику и внимательно посмотрите на его пьедестал.

Там на барельефе изображена высадка десанта. Суровы лица моряков, полны грозной силы их движения. Но еще более выразительна фигура моряка-гиганта, стоящего на пьедестале в накинутой на плечи плащ-палатке и с автоматом на груди. Он пристально всматривается в море, туда, где происходил последний победоносный бой.

СЛОВО О БОЕВОМ ДРУГЕ

Дорогой читатель! Продолжая традицию нашей библиотеки знакомить тебя с живыми героями, мы пригласили сегодня в наш клуб Героя Советского Союза контр-адмирала Василия Михайловича Лозовского.

Наш выбор пал на Лозовского не только потому, что он прошел славный боевой путь и на его собственном счету много героических ратных подвигов, но еще и потому, что он воевал с героем только что прочитанной тобой книги — Александром Осиповичем Шабалиным и не раз ходил с ним в море на операции, когда еще был командиром катера-охотника. Кто-кто, а Василий Михайлович о ратном труде катерника может рассказать очень много. Предоставляем ему слово.

«Тактику командира торпедного катера Шабалина я мог бы определить так. В бою Шабалин умел моментально оценить обстановку, выбрать для своего катера оптимально выгодное положение, стремительно атаковать противника и так же стремительно, если не требовалась помощь другим вышедшим с ним на операцию катерам, уйти на базу. И не верилось, когда потом встречал на берегу этого спокойного, даже несколько медлительного, не по-мужски скромного, невысокого, худощавого человека с негромким голосом, что несколько часов назад он на своем деревянном суденышке торпедировал и навечно «приписал ко дну» огромный немецкий транспорт, охраняемый великолепно вооруженным конвоем. И к тому же надо помнить, что Шабалину удавалось не только потопить немецкий транспорт, но и привести свой катер на базу невредимым. А единственное его оружие — скорость! —

два пулемета на катере, пожалуй, даже не следует принимать во внимание как средство самозащиты. Это ли не образцы высокого героизма! К тому же я не помню случая, чтобы катер Шабалина не пришел на помощь к товарищам, попавшим в беду, не делал все, возможное и невозможное, переключив внимание противника на себя, чтобы другой катер смог атаковать врага и уйти на базу. Шабалин часто рисковал, но это было не лихачеством, а хорошо продуманной тактикой. Не случайно за Александром Шабалиным прочно утвердилось прозвище «самого хитрого катерника».

Простым, неприхотливым и покладистым человеком в быту был Александр Осипович: с ним жить вместе было легко и просто. Есть в Шабалине что-то такое располагающее к нему, вызывающее большое доверие — вот и тянулись к нему люди, раскрывали свою душу.

Несмотря на то, что приходилось ему не раз быть на волоске от смерти, Шабалин не стал суровым и замкнутым. А его скромность не уменьшилась и тогда, когда он стал Героем Советского Союза, кавалером ордена Ленина.

По моим личным наблюдениям, он стал еще более непреклонен и настойчив в тех случаях, когда надо было идти на трудное задание. Он считал, что это его привилегия, и всегда ее добивался.

Настойчивость, упорство и стремление довести во что бы то ни стало начатое дело до конца — этими качествами всегда отличался Шабалин как на войне, так и после. После войны Александр Осипович Шабалин решил, что нельзя жить с семиклассным образованием — нужно учиться. Хотя очень трудно взрослому человеку, прошедшему войну, ходить в школу и, по сути дела, учить то же, что и ребята-школьники, Шабалин твердо исполнял свое решение. И так до окончания вуза.

Сейчас Александр Осипович Шабалин преподает в Ленинградском высшем военно-морском училище имени Фрунзе очень простой предмет — управление кораблем.

И как талантливый педагог передает многочисленным ученикам свой богатейший опыт боевого командира, овеянные славой традиции нашего Военно-Морского Флота, свою любовь и преданность Родине»,

Контр-адмирал В. М. ЛОЗОВСКИЙ

Матвеев Николай Сергеевич

ЗАРНИЦЫ В ФИОРДАХ. (Героическая биография.) М., «Молодая гвардия», 1970.
144 с. (Честь. Отвага. Мужество.)

9(с)27

Редактор *А. Лобанова*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *М. Солюшко*

Корректоры *А. Долидзе, О. Новикова*

Сдано в набор 6/V 1970 г. Подписано к печати 24/IX 1970 г. А02746. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 4,5 (усл. 6,3). Уч.-изд. л. 5,9. Тираж 100 000 экз. Цена 18 коп. Т. П. 1970 г., № 211. Заказ 876.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцеская, 21.

18 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ